

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА
И
ДОКТОРА ВАТСОНА
В
РОССИИ
— 1905 —

ИВАН МАРТЫНОВ

Иван Мартынов

**Приключения Шерлока Холмса
и доктора Ватсона в России. 1905**

«Автор»

2026

Мартынов И. А.

Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона в России. 1905 /
И. А. Мартынов — «Автор», 2026

Осень 1905 года. Российская империя дымится, как перегретый самовар: забастовки, погромы, покушения — и посреди всего этого благолепия в Петербург прибывают два невозмутимых джентльмена, которых сюда позвало дело государственной важности. Бурная жизнь обеих столиц, драки в криминальных кварталах, страшные купцы, пир во время чумы в лучших ресторанах, революционеры, предсказатели, прекрасные дамы. Все это не вымысел автора, а реальный исторический контекст. В империи завёлся убийца с на редкость изящным почерком. А Холмс вот-вот лишится вещи, без которой его утро попросту не наступает. Именно эта последняя капля переполнит Рубикон, он будет не просто перейден, а выйдет из берегов и зальет дедукцией многострадальную Россию.

© Мартынов И. А., 2026

© Автор, 2026

Иван Мартынов

Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона в России. 1905

Москва. Хитровка. 1905 год.

Сапоги захлебывались. Снег, смешанный с мокрой землёй и конским навозом, превратил переулок в жидкую кашу. Пахло гнилой картошкой, нечистотами из выгребной ямы и чем-то ещё, от чего Ватсона начинало адски мутить.

Из подворотни, перегораживая путь, выплыл мужик в буром армяке со звериным оскалом. Блеснул золотой зуб.

Выстрел. Пуля ударила в стену в двух дюймах от головы Холмса, выбив кирпичную крошку. Ватсон рухнул на землю. Гиляровский вжался в угол, выругался длинно, смачно и застыл.

— Откуда?! Откуда стреляют?! — заорал истошно Холмс, озираясь по сторонам. — Ватсон, вы живы? Ватсон?!

Неделей ранее.

Поезд не спеша покачивался, подбираясь к границам Литвы. За окном — привычный для поздней осени серый пейзаж, но отсутствие солнца несколько не пугало лондонцев, которые хоть и преодолевали колоссальное расстояние в этом вояже, по сути, оставались в тех же погодных условиях, меняя дождливое облачное лондонское шило на промозглое, уже почти зимнее петербургское мыло.

Лампы вагона-ресторана горели ровным жёлтым светом, отражаясь в хрустале и серебре. Пахло наваристым супом и дорогим табаком.

Дверь распахнулась — вагон замер.

Официант застыл с подносом. Генерал поперхнулся коньяком. Молодой кучерявый француз уронил вилку — та звякнула о тарелку, и звук этот показался выстрелом.

Она вошла, и воздух стал тяжелее.

Бордовое платье, открытые плечи, декольте. Корсет стягивает талию. Волосы — тяжёлые, каштановые, с медным отливом. Одна прядь падает на голую шею, подчёркивая изгиб. Глаза — зелёные, с прищуром. Такие не забывают.

Она знала, что на неё смотрят. И ей это нравилось. Прошла к свободному столику, взяла меню, но не открыла. Взгляд её устремился в окно.

Ватсон сидел через три столика. Один. Холмс остался в купе — увлёкся чтением Гоголя.

В вагон зашли двое. В чёрных сюртуках, одинаково широкие в плечах, одинаково безликие. Направились прямо к незнакомке. Она заметила их в самый последний момент, уже было поздно бежать. Тот, что чуть повыше наклонился, что-то сказал тихо и коротко. Девушка побелела, как смерть.

Она посмотрела на Ватсона. Секундный испуганный взгляд — и тут же отвела глаза.

Великаны взяли барышню под руки и повели к выходу. Она не кричала. Не вырывалась. Уверенно переставляла стройные ноги с прежней грацией, склонив голову, а глаза испуганно блуждали, будто якорем старались зацепиться за спасительный берег.

Ватсон отложил газету и, прищурившись, проводил взглядом странную троицу. Наконец, встал и вышел следом, не торопясь, выждав нужного момента, бесшумно, как это умеют делать люди, привыкшие к слежке. И чутье его не обмануло.

Девушка стояла между ними, маленькая, бледная, губы её дрожали.

— Прошу про-шения, — сказал Ватсон по-русски с сильным акцентом. Он поймал взгляд несчастной и не отпускал его, в глазах её читались мольбы о помощи.

Бугай обернулся. Увидев невысокого коренастого мужчину в дорожном пальто, он улыбнулся. Улыбка была уловкой. Тут же последовал удар.

Ватсон ловко увернулся, так что кулак проскочил в нескольких сантиметрах от его лица. Ответный удар. Попал в кадык — глухо, с хрустом. Противник осел на пол, схватившись за горло. Второй выхватил из кармана кастет: блеснула латунь. Но Джон парировал тростью. Один резкий выпад в солнечное сплетение. Тяжелый набалдашник вошёл в тело, как в масло. Апперкот в челюсть. Тем временем первый пришел в себя и попытался встать. Ватсон ногой толкнул его в грудь, и финальным аккордом прозвучал удар тростью. Вылетел передний зуб.

Девушка неслась по коридору сломя голову. Обернулась лишь на секунду, и взгляд её, одновременно напуганный и при этом роковой, был единственной благодарностью спасителю.

Доктор вытер трость носовым платком, посмотрел снисходительно на своих «пациентов», покачал головой и направился в купе.

Холмс, не поднимая головы от книги:

— Что-то случилось?

— Нет, — ответил Ватсон, усаживаясь на своё место. — Ни-че-го.

Гордость британского частного сыска с головой погрузилась в увлекательнейшие приключения Чичикова, жадно пожирая глазами текст, будто на страницах лежали рябчики в сливочном соусе, а не буквы.

— В России сейчас телеграф работает? — поинтересовался Ватсон, увлеченно разглядывая что-то за окном, будто инспектируя телеграфные провода.

— Кажется, да... — Холмс задумчиво потёр переносицу. — Хотя вообще тут чёрт ногу сломит. Телеграф то блокируют, то он снова работает. Это Россия, друг мой. Там сейчас

такое... В октябре заблокировали на отдельных узлах, между городами. А последнюю неделю железные дороги между Европой и Петербургом не работали вовсе. Сейчас наладили дороги — но, возможно, теперь очередь телеграфа. Возьмёт и ляжет снова. Уже тотально. Впрочем, пока что всё хорошо, насколько я знаю. Весточку миссис Хадсон отправить сможете.

Холмс помолчал и, хмыкнув, добавил:

— И всем вашим дамам.

— Каким это дамам?!

— Вашим. Всем.

Ватсон мысленно пристрелил Холмса. В купе воцарилась мертвая тишина.

— Серой погоде конец! Завтра будет солнечно! — Шерлок воодушевленно воскликнул.

— Но почему? С чего вы это взяли, Холмс?

— Элементарно, друг мой. Уже несколько дней пасмурно, а это слишком долго даже для нынешней поры, и по теории вероятности уже давно должен был настать солнечный день. Весьма вероятно, он будет завтра, ну или, на худой конец, послезавтра.

— Но, быть может, и не будет солнечно...

— Быть может, и наш поезд сойдёт сейчас с рельс. А пока давайте доверяться науке. Забавы ради я бы поставил на это десять фунтов, но не хочу ставить Вас в такое положение: насколько мне известно, денег у Вас немного. Чаю хотите?

— Да, было бы неплохо.

— Тогда сходите и попросите. А я, пожалуй, вздремну.

На самом деле Шерлок не полагался на теорию вероятности, да и пресловутая дедукция здесь ни при чём. Всё намного прозаичнее: прогнозом погоды из российской газеты с ним поделился джентльмен из соседнего купе.

Возможно, читателя это удивит, но уже двадцать лет в Российской империи газеты публикуют синоптические сводки. Жалко только, что к хоть сколько-то точным и научно обоснованным прогнозам погоды они не могут добавить прогнозы российского политического климата, который в последнее время нестабилен, словно дикая лошадь. Знай обыватель такие предсказания хоть капельку наперёд, то иначе бы вёл свои финансовые дела или вообще бежал бы впопыхах из страны.

Впрочем, надо отдать должное великому сыщику в том, что он не стал грабить бедного доктора, делая денежную ставку; ему достаточно лишь морального превосходства. Если его слова окажутся верными, то Ватсон в очередной раз убедится в незаурядных умственных способностях своего коллеги. Если прогноз не сбудется, то всегда можно заявить: “Я говорил? Ничего я подобного не говорил!”

Пока Ватсон тонул взглядом в пейзаже, захлебываясь очередной березовой рощей, Шерлок вдруг дернулся, словно ужаленный, выхватил револьвер и прицелился. Ватсон выронил книгу, в шоке повернулся, уставился в окно. Что там такого на улице, куда он целится?! Холмс опустил пистолет, открыл барабан, заглянул зачем-то в дуло, захлопнул барабан, прокрутил.

— Что происходит?! Вы меня напугали! — негодовал доктор.

— Я готовлюсь.

— К чему?!

— К встрече с Россией. Там сейчас жарко. Когда мы выйдем из поезда и на нас нападет кучка террористов-бомбистов, Вы меня еще отблагодарите! Помяните моё слово.

На станции Вержболово в Литве, входящей в состав Российской империи, скучающим лондонцам придется покинуть вагон. Во всяком случае, Ватсону было довольно скучно: он зевал, прикрывая рот ладонью, и смотрел на проплывающие берёзы с таким видом, будто они были единственным развлечением в этой поездке. Шерлок же в это время вёл в голове расследование, причём весьма успешно: его глаза были полуприкрыты, но за веками шевелились шестерёнки дедукции.

Пассажиров пересаживали в вагоны, предназначенные для русской колеи, так как она имеет другую ширину, нежели европейские железные дороги. Причина этому — не знаменитый «авось», на который здесь все полагаются, и не следование русскому особому пути; пожалуй, главной причиной является военная безопасность. Что, если бы у Шерлока было ружьё, и таких Шерлоков в поезде были бы сотни?

Обойтись простой пересадкой не получится: путешественников ждёт кропотливый, вернее сказать, дотошный таможенный контроль.

В вагоне воцарились возня и кутерьма. Люди гремели чемоданами, громко говорили, спорили, бранились на всех возможных языках: от немецкого до польского, от французского до идиша. Из дальнего купе слышался крик, который обычно предшествует драке, ну или избиению, как обычно это бывает в тех ситуациях, когда блюститель закона сталкивается с рядовым бастующим правонарушителем.

Наконец раздался энергичный стук в дверь.

— Добрый день, господа! Поручик Злобов. Предъявите, пожалуйста, ваши документы и багаж.

Шерлок молчал: ни один мускул на его лице не двигался, он тщательно, не стесняясь, разглядывал офицера отдельного корпуса пограничной стражи. Неизвестно было, что происходит в голове знаменитого сыщика, но явно это было неспроста — его взгляд скользил по мундиру, пуговицам, сапогам, выхватывая детали, он словно хирург скальпелем оперировал пациента.

— Sorry! You don't speak Russian? Your documents and baggage, please.

— Что Вы, милостивый государь. Я прекрасно говорю по-русски. — возразил Холмс. Поручик, расплывшись в улыбке:

— Провозите ли вы крупную партию каких-либо товаров?

— Да. Множество извин. Огромная партия! У меня в голове, — ответил Шерлок, и в его глазах мелькнул тот самый холодный огонёк, который появлялся у него, когда он наслаждался собственным чувством юмора.

Офицер на секунду оторвал глаза от документов, бросил острый, колющий, как лезвие бритвы, взгляд. Казалось, начнется драка. Но тут выстрел смеха сокрушил воздух, и, покачивая указательным пальцем, Злобов произнес добродушным тоном:

— Ну Вы... кхе-кхе... шутить изволите, мистер?

Надо было видеть лицо Ватсона... Ни слова не понимая по-русски, он переводил взгляд то на одного, то на другого собеседника, вцепившись растерянными руками в свои коленки так, что побелели костяшки. Он сосредоточенно слушал и пытался подстроить свои эмоции под окружающих.

— Мне надо осмотреть ваш багаж, господа, — сухо сказал пограничник. Тон стал вдруг заметно холоднее, как ноябрьский воздух над Невой.

Пассажиры принялись вытаскивать свой багаж. Холмс решил более не шутить, но желание поговорить не улетучилось. В несвойственной ему манере он продолжал атаковать Злобова вопросами, как стенобитное орудие — крепостные ворота:

— Что будете искать в чемоданах? Литературу? Деньги? Драгоценности?! Я читал о строгих правилах. У меня с собой только словарь, газеты. Русские газеты. Официальные, пока не запрещённые! Что касается материальных ценностей, то, обнаружив их скудность, быть может, таможенные службы испытают сочувствие и выделят нам небольшую сумму займа...

Он вдруг замолчал, вспомнив, что зарекся более не шутить перед строгим служителем закона. Служитель же был занят своей работой и более не реагировал на речи излишне болтливого британца.

Проверка вместе с переходом в новые вагоны заняла около часа: считанные минуты на фоне хронометража маршрута, занимавшего почти трое суток. Сначала поезд из Лондона в Дувр, потом паром до французского Кале, на поезде в Париж и наконец прямой путь в Санкт-Петербург через Берлин.

— Хорошего вам пути, господа, — улыбаясь во всю ширь отчеканил Злобов. Затем, переведя взгляд на доктора и не забывая о вежливости, обратился и к нему: — Have a good day, Sir! Thank you!

Милейший человек, крайне обходительный. Можно сказать, джентльмен. И так как, увы, Чехов и Гоголь к этому произведению руку не приложили, фамилия Злобова ни о чём не говорила. Молча существовала.

Оставшийся отрезок пути был проделан быстро. И причиной тому служила не особая мягкость русских железных дорог, а плотный обед в вагоне-ресторане и свежая газета, купленная при пересадке.

— Что Вы думаете о России? — Ватсон решил подлить сливок общения в крепкий чай тишины.

— Я? Я стараюсь не думать о вещах, которые не поддаются логике, а Россия как раз из таких.

Какое-то время молчали, каждый ушел в себя. Холмс устало тыкал вилкой отбивную, будто пытался уж наверняка добить несчастную корову, и внезапно он разродился гениальной мыслью и незамедлительно поспешил выплеснуть ее с небольшой порцией слюней в лицо своему спутнику:

— Я тут подумал о будущем... ближайшем будущем! Представьте приборчик размером с маленькую книжечку. Внутри — катодная трубка, вроде трубки Брауна. На её флюоресцирующем экране — текст. Буквы, строки. Они появляются из телеграфа. Телеграфа нового поколения! Корн уже передал фотографию по линии из Мюнхена в Нюрнберг, а текст передать куда проще — это не полутона, а просто свет или тьма. Точка или тире. На центральной станции

сидит редактор, получает новости со всего мира и тут же набирает их на клавишах. И эти новости мгновенно, по проводам или вовсе без них, передаются всем, у кого есть такой приборчик. То, что мы читаем в газете наутро, здесь появляется сразу. Я бы назвал это «механической газетой»!

— Может, Вы туда еще телефон засунете. Беспроводной! — Ватсон засмеялся

— Достаточно будет телеграфа.

— Беспроводного?

— Ну для начала можно и проводного: будет торчать проводок из стены в комнате. Воткнул и получил доступ, читаешь себе новости, анекдоты и прочее. А потом и беспроводной способ изобретут!

— Чтобы мы читали новости 24 часа в сутки?! Постоянно сидели как на углях с этой бесконечной лентой событий в руках и ждали, что вот сейчас через минутку выйдет свежая новость, а там вдруг что важное и не отлипнешь от этого устройства? Нет уж, спасибо! Жить хочется здесь и сейчас в реальной жизни, а не в этом вашем устройстве сидеть.

«Бестолочь», — подумал Холмс и закурил.

Безудержно лил дождь, которому, по-видимому, казалось, что в Петербурге и без того недостаточно воды. Он хлестал по крышам вагонов, по брусчатке перрона, по шляпам спешащих пассажиров, словно хотел смыть с города всю накопившуюся усталость.

Шерлок стоял под зонтом, дрожал от холода. На улице было не больше нуля градусов, а ветер дул с залива сырой, пронизывающий до костей. Переминаясь с ноги на ногу, он курил, крепко вцепившись рукой в любимую трубку из красного дерева — трубку, которая лицезрела десятки дел, полчища преступников и тысячи часов напряжённых размышлений.

— Холмс, Вы забыли чемодан! — бубнил больше себе под нос, чем в сторону собеседника, Ватсон, крайне неуклюже тащивший на себе грудку вещей в попытках вылезти из поезда. Его лицо покраснело от натуги, на лбу выступили капельки пота.

— Я просто решил проверить Вашу внимательность: не упустите ли Вы мой багаж из виду, — сказал невозмутимо сыщик, потягивая едкий густой дым и выпуская его медленно, с наслаждением.

Был ли чемодан оставлен в поезде специально? Да, несомненно. Но для того ли, чтобы проверить попутчика? Конечно же нет, просто сыщику было лень. Да и трубка сама себя не покурит.

Несчастный доктор, изрядно промокший, бережно поставил чемоданы на платформу, завожился, закружился, завертелся и распахнул свой огромный зонт — чёрный, как вороново крыло, и неимоверно широкий. Будь ветер чуточку сильнее, а это Петербургу под силу, то улетел бы Ватсон на своих парусах сейчас куда-то далеко-далеко, быть может, и обратно в матушку Англию. Его серый клетчатый пиджак покрылся тёмными пятнами, жилетка местами промокла, прилипая к телу, и он всё не мог отдышаться.

Холмс тем временем докурил, улыбнулся, мечтательно прикрыв глаза, как кошка щурится после сытного обеда, постучал указательным пальцем по трубке красного дерева и, убрав её в пиджак, воскликнул с энтузиазмом, которого в нём обычно не водилось:

— В путь! Скорее! Что же мы медлим?!

Ватсон, привыкший к разного рода выходкам своего компаньона, впрочем, не мог не опешить и вытаращил глаза. Он хотел уж было возмутиться и остановить Холмса, апеллируя тем фактом, что не успел отдышаться и, в отличие от некоторых, не нежился в клубах тёплого дыма в сухости и уюте под зонтом, а тарабанил на своём горбу чёртовы чемоданы, но... Холмс уже исчезал из виду, растворяясь в толпе так же быстро, как призрак на рассвете. Оставалось лишь бурчать и строить недовольные гримасы всех сортов в попытке догнать торопливого друга и высказать свои претензии лично.

На вокзале их встретил статный мужчина с элегантными усами, в костюме весьма приличного кроя — воистину джентльмен, которого не постеснялся бы принять и сам король Эдуард. Он, откашлявшись, начал выговаривать практически по слогам, словно боялся ошибиться в каждом звуке:

— Gentlemens, I am happy to see you in Russia. Welcome! My name is Igor Slavin.

Холмс, улыбаясь той редкой, почти человеческой улыбкой, которая появлялась на его лице только в минуты искреннего расположения, ответил:

— Добрый день! Говорите, пожалуйста, по-русски. Не утруждайтесь. Я учил ваш язык наравне с немецким ещё с юношества. Но в последние годы, учитывая все события, что происходят с вашей страной и подробно освещаемые в нашей прессе, я взялся за изучение языка основательнее. Теперь лишь акцент служит преградой тому, чтобы я сошёл здесь за своего и внедрился в подполье вашим агентом. Это доктор Ватсон, мой коллега. К нему обращайтесь на английском. Он слишком занят или слишком ленив, чтобы выучить новый язык. Я лично склоняюсь к последнему.

Договорив, он бросил взгляд на Ватсона. Тот глупо, застенчиво улыбался той улыбкой, которую мы напяливаем на себя, когда не понимаем собеседника, но хотим казаться вежливыми, знающими. Что поделать? Манеры! Будь они неладны.

Офицер продолжил, поклонившись, у него был слегка хрипатый, уверенный и приятный тембр голоса:

— Приятно познакомиться. Я не представился полностью, простите. Полковник Игорь Иванович Славин, начальник охранного отделения Санкт-Петербурга. Мне про Вас много рассказывали. Гений эпохи! Так Вас представили.

— Ну ладно уж сразу... Почему эпохи? Мой масштаб заметно шире, — ответил довольно Шерлок, и уголки губ дрогнули в усмешке. По лицу его не было понятно: шутит он или и вправду о себе такого мнения.

«Для полковника, да еще и не из обычной полиции, а из охранного отделения, этот джентльмен очень молод, — подумал Шерлок. — Значит, доблестно служит Родине. Или знает, с кем дружить.»

Гости отдали чемоданы носильщикам — дюжим молодцам, которые были то ли из полиции, то ли из службы такси. Стараясь не отставать от вещей, которые плавно удалялись от него, Холмс ускорял шаг, продолжая беседу:

— Я хотел поинтересоваться: какое жалование получает тот мистер, что нас сопровождал, — Холмс вопрошал, не глядя в глаза собеседнику, его взгляд сосредоточился на костяной ручке трости, которой он отстукивал мелодию.

— Позвольте, кто?! — опешил полковник, и его брови поползли вверх.

Холмс, не дав бровям спрятаться в густой шевелюре или, еще чего хуже, не улететь вовсе с лица владельца, радостно ответил:

— Ну как же. В поезде с нами ехал мужчина. Выбритый такой, лысенький, с цепким взглядом. Мы в вагон-ресторан — он туда, мы оттуда — и он ушёл. А сейчас на вокзале этот джентльмен переглянулся с Вами.

— Не понимаю. Вы, верно, что-то путаете. Мы не отправляли наших людей в Вашем поезде, — голос Славина стал твёрже.

Лысый мужчина и вправду не был филёром. Филёры — это агенты наружного наблюдения в охранном отделении и жандармерии. Как правило, бывшие военные. Но этот... этот был кем-то другим. Кем? Холмс пока не знал. Но запомнил его лицо.

Здание Николаевского вокзала, чем-то похожее на европейскую ратушу с башней, шпи-лем и часами, которые отсчитывали время с невозмутимостью швейцарского хронометра, находится практически в самом сердце Петербурга. Башня была невысокой, но облака и туман опустились так низко, что башенка в них укуталась, будто пытаясь согреться в эту промозглую погоду.

Когда гости столицы вышли из здания вокзала, к ним подлетел рой детворы: пищали, галдели, все это сливалось в единый жалобный хор, а уж для Ватсона, который по-русски ни гу-гу, звук был чем-то вроде жужжания.

— Чего они хотят? — спросил Ватсон у Славина.

— Известно, чего — денег и еды. Беспризорники. Сейчас таких много: у кого родитель пьёт, у кого погиб на войне...

Ватсон стал озиаться по сторонам. Жестом попросил дать ему минуту времени, забежал на вокзал и через обещанную минуту вылетел оттуда с корзинкой в руке. Детвора набросилась на него, вот-вот растерзает. Жертва выставила корзину вперед и осталась жива. Дети орали, кричали, визжали, разбирая вкусы.

— Что это было? Откуда у Вас русские деньги, чтобы приобрести еду, доктор? И зачем Вы это сделали? — озадаченный Шерлок сыпал вопросами.

— Деньги... Я дал золотой фунт совершенно торговцу и набрал все, что есть. Сумма, условно, огромная, но я не мог иначе. А зачем... Этого мне Вам не объяснить.

Славин молча улыбался. Шерлок покачал недовольно головой, не понимая, зачем кормить голубей, если не собираешься создавать из них почтовую сеть, или в переводе на их реалии: зачем кормить шпану, если не вербуешь ее тут же в свои информаторы.

— Пожалуйста, прошу в коляску, — сказал полковник учтиво, открывая дверцу.

Экипаж проезжал мимо старика с длинной седой бородой, спутанными космами волос и бледной кожей, старик был будто бы уже мертвый. Он стоял и кричал настолько сильно, насколько мог, вызывая к прохожим: «Скоро нас ждет конец! Скоро вы умрете!». В этот момент его взгляд врезался в любопытные глаза Шерлока Холмса, и некий невидимый взрыв громых-

нул. Холмс тут же потупил взор, как от испуга, а старик глаз от него не отводил, старался испепелить, как бы вызвал именно к английским гостям, пророча им смерть.

Дождь стучал по брусчатке, выбивая барабанную дробь. По улице преимущественно бродили уставшие работяги, плюющие на отсутствие зонтов: они шлёпали по лужам, мёрзли, бурчали, бранились, кутаясь в рваные армяки. Господа всё больше сидели по домам, по ведомствам, на худой конец, в ресторациях, где было тепло и так сладко пахло кофе. В глаза бросались калеки, которых было немало. Страна, истерзанная русско-японской войной, лишь месяц назад заключила позорный мирный договор, и шрамы на её теле ещё долго будут заметны. А зажив, вскоре будут вновь разорваны бесчеловечно и глупо.

Когда в воздухе повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь цокотом копыт, сыщик решил разбить её своей фирменной игрой:

— Дайте угадаю. Вы воевали. У Вас есть ребёнок... или нет. Два ребёнка. Собака. Небольшая! Терьер, я полагаю. И Вы курите!

Опешивший от внезапного извержения дедукции полковник приподнял левую бровь, сделал удивлённое лицо и, помедлив, будто взвешивая каждое слово, сказал:

— Вы знаете, да... Я действительно курю папиросы. И у меня есть ребёнок.

Насчёт остального он ничего не сказал. А Шерлок уставился в окно, и вид удивлённой физиономии полковника его всецело удовлетворил. Ему было неинтересно прочее. А зря: полковник не воевал, да и собаки у него никогда не было. Дедукция дала осечку, но Холмс предпочёл не замечать этого, как фокусник, который случайно обронил карту, но сделал вид, что так и задумано.

Дальше ехали молча. Лондонцы были увлечены разглядыванием города — более европейского, чем они его себе представляли, и более холодного. В Лондоне сейчас на десять градусов больше, а здесь, казалось, зима уже вцепилась в Петербург мёртвой хваткой и никогда его не отпустит.

— А куда мы, собственно, направляемся? — поинтересовался Холмс, не отрывая взгляда от проплывающих за окном особняков.

— В гостиницу. Расположитесь, отдохните, а затем поедem к начальству, — ответил Славин, поправляя котелок.

— Вы думаете, мы не отдохнули в поезде? Мы там буквально устали отдыхать. Давайте сразу приступим к делу. Я хочу начать работу без промедления, без волокиты!

Игорь пожал плечами и распорядился. Кучер сменил маршрут, дёрнув поводья. Дорога заняла считанные минуты. Центр — всё рядом.

— Мы приехали. Здесь находится особый отдел департамента полиции, — отбарабанил сухо полковник, когда коляска остановилась у величественного здания с колоннами.

— Вы управляете этим ведомством? — поинтересовался Шерлок, выходя из экипажа.

— Нет. Я глава особого отделения Санкт-Петербурга. Оно, как и прочие, подчиняется департаменту полиции. Они и жандармерией руководят, и нами. В чём разница? Наши в отличии от жандармов занимаются политическим сыском. А уж над департаментом полиции находится Министерство внутренних дел, — объяснил Славин, придерживая дверцу для гостей.

Холмс кивнул. Ватсон поочерёдно окинул взглядом обоих и тоже кивнул.

Из-за тяжелых дверей кабинета раздавался громкий бой напольных часов, которые отбивали шестнадцать ноль-ноль тяжелыми, медными ударами, словно кузнец стучал по наковальне.

Двери с шумом распахнулись. Серое по своей сути и зелёное по цвету мундиров стадо похожих друг на друга чиновников, потупивших усталые недовольные лица, вытекло из кабинета и растворилось в коридорах. Следом за ними выпорхнул навстречу британским гостям глава особого отдела департамента полиции — именно энергично выпорхнул, подобно птичке из клетки, а не вышел степенно, как подобает генералу.

С широкой, практически до ушей, улыбкой на лице, с румянцем, с огромными усищами, с седыми бакенбардами — настоящий русский вельможа, каких рисуют на портретах — генерал-майор Потапов Константин Аполлинариевич собственной персоной.

Он распростёр руки, будто готовясь к объятиям, потом вдруг сложил их и хлопнул в ладоши звонко, по-купечески. Он будто встречал старых друзей, да не простых, а тех, кто задолжал сотню-другую рублей и наконец отыскался в самый нужный момент и теперь уже не отвертится.

— Господа! Добро пожаловать в Россию! Welcome! — говорил он громко, отчётливо, резво. Чеканил слова, как монеты. Вел себя не под стать солидному возрасту и положению. Его заряжал не только внутренний оптимизм и природная энергичность, но и патриотизм с трудолюбием.

— Добри ден, — сказал вдруг Ватсон на русском, запинаясь на каждом слоге, но гордый собой.

Прозвучала приветственная фраза больше по-чешски или по-польски, нежели по-русски. Но большего от иностранца обычно и не ждут. Шерлок оглянулся удивлённо на доктора, как смотрят на дрессированную обезьянку, которая учудила небольшой фокус.

Генерал расплылся в улыбке, и его лицо стало похоже на блюдец с румяным пирогом, затем закричал что-то довольное себе под нос и протянул крепкую, слегка пухлую руку.

Ватсон, осмотрев кабинет, подметил про себя: «Генерал женат. Есть ребенок. Строгий начальник, но искренний и добрый человек. Подчиненные его не шибко любят. На службе давно, воевал...»

Шерлок тоже задумался, в его голове возникло: «Ну и бакенбарды у этого мужчины!»

В кабинете тихо. Никаких звуков с улицы или из соседних кабинетов. Лишь тикают мерно старые, напольные, с медным маятником часы в углу. Пахнет кожей, деревом и, почему-то, едва уловимо — табаком, хотя сам генерал, кажется, не курит.

Константин Аполлинариевич, активно жестикулируя, болтал с англичанами. Да, именно болтал, иначе тут не скажешь. Он расспрашивал их обо всём на свете — от погоды до политики, от качества чая в вагоне-ресторане до состояния мостовой на Невском. С большим трудом удержался от детального обсуждения вкуса подливки за ужином, и видно было, как ему не

терпит, пустится в гастрономические воспоминания, но служебный этикет в конце концов взял верх.

Вам может показаться, что это крайне нетипичное, странное и даже неподобающее поведение для человека, курирующего ведомство политического сыска, ежедневно и ежечасно давящего тапком, как назойливого жука, русского революционера. Но таким он был не всегда. Угрюмые лица вышедших пять минут назад из кабинета подчинённых могли свидетельствовать как о том, что они не так энергичны, воодушевлены и преданы государству, как их шеф, так и о том, что на них повышали тон, от них опять чего-то требовали. Экая напасть! Генерал мог быть строг тогда, когда это нужно, и мог быть божьим одуванчиком, когда ему вздумается. Он умел жить. Он умел работать. Искренность и многогранность — это про него.

— Последние пару недель мы были на взводе, — продолжал Константин Аполлинариевич, и его голос стал тише, будто он делился секретом. — В какой-то момент забастовка охватила не только железные дороги и заводы, но и почтамт, телеграф встал. Перестали работать аптеки, магазины! Вы подумайте! Бастовали все!

— Да, — отозвался Холмс, откидываясь на спинку стула и складывая пальцы домиком — жест, который в Лондоне означал сосредоточенное внимание. — Я ждал, когда запустят железнодорожное сообщение. И как только получил вести об окончании забастовок, поспешил на вокзал. Между Россией и внешним миром не было железнодорожного сообщения! Нонсенс! Я читал в газетах, следил. Миллионы ваших сограждан участвовали в этой... акции. Насколько мне известно, причины забастовки — в слишком длинном рабочем дне, низких зарплатах рабочих, впрочем... — тут он вздохнул и расположился поудобнее, прежде чем на выдохе продолжить:

— Подобная непростая ситуация у рабочих и в нашей стране, надо отметить... Но самая главная причина ваших бед, насколько я понимаю, в отсутствии свободы слова и собраний, в позорном, простите меня за выражение, проигрыше японцам и в том, что в недавно созданную Государственную думу смогут избирать депутатов только богатые собственники, а не широкие массы, не большинство, как у нас.

— А Вы, я вижу, хорошо осведомлены... — задумчиво, непривычно строго и сухо ответил генерал, устремив взгляд в окно, где сквозь мутное залитое дождем стекло едва угадывались очертания серого города. Он выдержал паузу в несколько секунд — долгую, тягучую, как резина, — и, тяжело вздохнув, заговорил, растягивая слова, будто каждое из них причиняло невероятную боль:

— А знаете ли Вы, сколько моих коллег убили? А сколько обычных городских, рядовых полицейских отправилось на тот свет в последние годы? Сколько жён осталось без мужей? Дети растут без отцов. Родители убиты горем. Такого террора не было ни в одной стране уже давно. Каждый день кидают бомбы, стреляют...

Он замолчал, вдруг резко прервавшись, словно поперхнулся словами. В его глазах наливались скупые, сдерживаемые с невероятным усилием слёзы, тоска обуревала его. И было ясно, что это не ностальгия по спокойным временам, когда часами они слонялись по кабинетам с коллегами и выпивали, по дням его молодости, когда революционное движение было ещё так слабо. Нет. Это боль — настоящая, пронизывающая каждый нерв, как ток. Было видно, что человек потерял близких в этой войне. В войне с собственным народом. В войне, которой, казалось, нет конца.

Шерлок, слегка растерявшись под натиском эмоций, захлестнувших достойного генерала, откашлялся и постарался перевести беседу в более позитивное русло — прям как опытный дипломат, который чувствует, что переговоры вот-вот сорвутся:

— Но октябрьский манифест, изданный вашим императором, успокоил народ? По крайней мере, на улицах, пока мы ехали сюда, в нас даже ни разу не стреляли.

Без шутки сыщик не мог выговорить и пары предложений, особенно когда нервничал или чувствовал себя не в своей тарелке — это была его защитная реакция, его панцирь. Возможно, сейчас это и к месту, чтобы разрядить обстановку. А может, это была и не шутка вовсе.

Генерал Потапов, чуть расслабившись, расположился на стуле поудобнее — откинулся на спинку, положил руки на мягкие подлокотники — и, сосредоточив взгляд на своих собеседниках, рассудительным тоном ответил:

— Да. В прошлом месяце дарована была свобода слова и собраний. Теперь официально разрешены политические партии. Без одобрения Госдумы ни один закон теперь не может быть принят. Но забастовка продолжалась — в Москве на демонстрации вышло более ста тысяч человек. Есть убитые. Затем были освобождены политзаключённые. И такой ценой забастовка кончилась... Надолго ли? Я лично думаю, что, почувствовав власть, революционные массы, наоборот, продолжат своё дело пуще прежнего. Рано или поздно... Свобод будет вечно не хватать. Как воды организму — сколько ни дай, пройдет несколько часов и снова захочется. И прольется много крови. Но не будем об этом, баста! Здесь вы по другому поводу, верно? Давайте обсудим лучше наши с Вами дела.

— С радостью! Сколько платят? — воскликнул, заулыбавшись, Холмс, и его улыбка была столь же искренней, сколь и неуместной. Это прозвучало так по-детски бестактно, что Потапов деликатно отвёл взгляд в сторону.

— Я писал Вам в Лондон об этом. Любые деньги. Дело государственной важности! — отвечал генерал всё так же спокойно, размеренно.

Холмс, затараторив и застучав пальцами по столу — барабанная дробь, которую Ватсон отличит от любой иной, — продолжил:

— Поймите меня правильно. Живите Вы на Бейкер-стрит, с нашими-то доходами, то цеплялись бы за каждый пенни. О! Миссис Хадсон заставит любого работать! Двести шестьдесят фунтов в год мы платим с Ватсоном за квартиру, а это при средних доходах британца около ста фунтов в год. Представляете?! Можно я закурю? Спасибо.

— Позвольте, почему же Вы спрашиваете. Курите. Конечно, курите, — ответил генерал, слегка разведя руками, будто говорил: «У нас в России такие формальности излишни».

Шерлок, впрочем, принялся поджигать табак, не дожидаясь дозволения — спичка чиркнула, вспыхнула, и над трубкой потянулся ароматный дым.

— Да был у меня приятель... Не выносил запах табака, представьте! Большой человек! — Холмс закатил глаза. — Что ж, теперь к делу. Почему Вы пригласили именно меня? В мире есть ещё талантливые сыщики. Думаю... Пара-тройка человек.

Холмс приготовился выслушивать комплименты и в предвкушении катал во рту сладкий для него и едкий для других дым. Он хотел закинуть ноги на стол, но вовремя остановился, вспомнив, что он не у камина на Бейкер Стрит.

Пропустим тирады в адрес Холмса. Видимо, его успехи громогласно прозвучали на весь цивилизованный мир, если донеслись даже до революционного, замкнутого в своих проблемах Санкт-Петербурга. Закончив лесть в адрес сыщика — а лесть была искусная, со знанием дела, как и подобает чиновнику его ранга, — Константин Аполлинариевич приступил к обсуждению дел:

— Так вот: все эти Ваши навыки и так называемые... дедукции Вы, я надеюсь, примените для поиска драгоценностей царской семьи. Когда я говорил о любых суммах, я не лукавил — это не вопрос денег. Плевать на стоимость украшений! Мы можем заплатить больше, чем они стоят. Но Вы, как человек, прибывший к нам из страны, где с рвением чтят традиции и монархию, а не из паршивой, дрянной Франции, должны понимать, что это вопрос репутации! Если украшения императрицы окажутся в руках какой-то... — тут он сделал паузу, видимо пытаясь подобрать менее оскорбительное выражение, подыскивая слово, как иголку в стоге сена, и продолжил: — ...девицы, авантюристки, проститутки... — тут он опять остановился, слегка покраснел, уши налились краской, и поспешил закончить: — Так вот, Вам не надо объяснять, почему это важно. Честь императорской семьи! И репутация охраны его императорского величества. Не мне Вам говорить...

Крепкий, умудрённый жизнью, непробивной мужчина, дважды переживший покушение и похоронивший сторевшего в огне революции брата, запинался, как гимназистка на экзамене. Видно было, что это касалось его лично — не службы, не долга, а самой глубинной, личной струны души. Будто говорил он не о чём-то отстранённом, а о своих родных. Страна была для него всем: семьёй, домом и смыслом жизни, а император был её олицетворением и основой — тем стержнем, без которого всё рассыплется в прах.

Константин Аполлинариевич ни разу не был замечен в коррупции, не лицемерил, а главное — и не был при этом всёмогущим псом монархии в том плане, в коем являются ими черносотенцы. Он верил в свои идеалы не потому, что ему платили; он старался вникать в проблемы своих соотечественников и порывался их решать, много жертвовал, а в свободное от работы время вёл беседы с друзьями-промышленниками, где стоял на стороне идей, которые называют социалистическими. Сокращение рабочего дня, улучшение условий жизни рабочих. Кого-то из промышленников сподвиг на изменения. Ещё бы, ведь если даже служитель монархии, седой вояка, глава политического сыска тебя отчитывает за строгость к людям, за жадность, значит, хоть сейчас, может, стоит прислушаться...

Генерал Потапов не пытался репрессировать всех подряд ради нового звания или от злости. Делал всё вдумчиво, как шахматист, который просчитывает ходы на десять шагов вперёд. Это был хороший человек. Редкий зверь в его ведомстве, как белый ворон среди галок.

— А когда, собственно, состоится аудиенция у императора? — спросил Холмс, и в его голосе зазвенели нотки разочарования.

— Простите, но... личной встречи с императором и членами его семьи не будет, — ответил генерал, и его лицо стало виноватым, как у человека, принёсшего весть о смерти.

— То есть, как я понимаю, лично Вы будете курировать мою дальнейшую работу? — Шерлок проговорил это грустным тоном, чуть обмяк в кресле — спина перестала быть прямой, плечи опустились. «Да-а-а, — думал он, — я лично привык, что если монарх и не обращается ко мне напрямую, то по крайней мере в Англии между мной и первым лицом находится только один человек — мой брат Майкрофт. А тут между потерпевшим и сыщиком расположилась

целая камарилья в лице премьер-министра, министра внутренних дел, директора департамента полиции и ещё этого... прекрасного седовласого генерала. При такой сложной иерархии расследование может быть замедленно. Но будем работать с тем, что есть. С чего же начать...»

Генерал вежливо ждал, заметив задумчивый взгляд собеседника, как рыбак ждёт поклёвки. Сыщик оживился, будто ужаленный током, поднял взор — глаза загорелись тем самым холодным, деловым огнём — и затараторил, сыпя словами, как крупной из мешка:

— Очень хорошо! Что ж! Работаем! Мне нужны фотографии похищенных ценностей, их описание и приблизительная денежная оценка, доступ к осмотру помещения, где они хранились, досье на всех служащих при дворце — вплоть до прачки и дворников. И... пока, пожалуй, всё. А! Ещё транспорт личный не помешал бы и деньги на расходы.

— Полковник Славин, с которым Вы уже знакомы, будет Вас повсюду сопровождать. Он человек ответственный. Приставлен к Вам руководитель целого отделения политического сыска, а не рядовой служащий, неспроста. Дело конфиденциальное, о краже знают единицы. И, Холмс, мы с Вами так и не обсудили сумму. Называйте. Вам решать, — генерал подался вперёд, давая понять, что торг уместен.

— О деньгах потом. Я сообщу сумму, когда изучу дело, а сегодня я бы хотел хорошенько поужинать. Может, будут рекомендации? — Холмс подмигнул, и в этом жесте было что-то мальчишеское.

— Славин отведёт Вас в самое лучшее место; он вообще проведёт любые экскурсии. Расповайтесь им, будто это не полковник, а ваш секретарь — хоть за папиросами пошлите, хоть за театральными билетами. Если на этом всё, то позвольте удалиться. Сопровождение у министра скоро начинается, — Потапов взглянул на карманные часы — массивные, золотые, на толстой цепочке.

— Прощу. Не смею задерживать. Мы пойдём. Ватсон, let's go! — Холмс вскочил с кресла, распрямившись резко, как пружина.

Несчастный, скучающий и как-то нездорово побледневший доктор наконец услышал знакомую речь, обрадовался — в глазах загорелся живой огонёк, он вскочил с места и ждал, когда остальные направятся к выходу, дабы не бежать впереди локомотива. Он был похож на повеселевшую собаку, которой кинули вкусную косточку, вилял бы хвостом, если бы умел.

Шерлок Холмс шагал по коридору, иногда цокая о пол увесистой тростью — звук разносился под высокими потолками, как эхо в горной долине:

— А ведь на генерала совсем недавно покушались. Бедняга чуть не погиб от взрыва.

Глаза Ватсона округлились, на лице отразилась смесь ужаса и восхищения:

— Но как Вы догадались, Холмс?... Или он сказал Вам об этом сам?

Холмс, всё ещё не выпускавший трубку изо рта, постучал об неё зубами — привычка, которая бесила Ватсона в первые годы знакомства, а теперь казалась почти родной — задумчиво бросил взгляд в окно на серую, унылую улицу и ответил:

— Ну это же очевидно, доктор! Я заметил у него на запястье шрам от осколочного ранения. И ещё один, небольшой, на шее, — он коснулся пальцем своей шеи, показывая место.

— Вы, как всегда, предельно внимательны! Бедный малый! Чуть не погиб! Надо же... — взволнованно ответил доктор, качая головой.

На самом деле шрамы были совсем не свежими и не от осколков. Они были получены генералом давным-давно на русско-турецкой войне от вражеской сабли — стародавние, побелевшие, едва заметные. Выходит, сыщик просто угадал? Нет, он узнал о покушении из газет.

Но зачем же разочаровывать Ватсона, который так верит в гения? Пусть продолжает верить. В это тяжелое время вера во что-то светлое нужна каждому.

Когда они спускались на первый этаж, страшный грохот сотряс стены, и тут же осколки полетели во все стороны, выбило окна. Холмса взрывом отбросило назад, с силой ударило о мраморные ступени. Пространство заволакивало дымом, выжившие полицейские корчились в предсмертной агонии. В ушах звон, картинка перед глазами расплывается...

Такую картину нарисовал в своих фантазиях доктор Ватсон, пораженный историей про теракт в отношении генерала. Они же в логове врага революции, здесь что ни человек – то цель бомбиста. Поскорее бы отсюда уйти.

По дороге в гостиницу Холмс, оторвав от созерцания Невского проспекта свой мутный, как стекла под дождем, взгляд, произнес тихо, слегка хрипя:

— Однажды Хемингуэй поспорил, кто напишет самый короткий и при этом цепляющий рассказ. Я написал свой... «Россия сгорала в костре революции. Дрова начали что-то осознавать, когда превратились в пепел.»

Дело о похищенных тапочках

Гостиница выходит окнами прямо на Невский проспект — главную артерию Петербурга, по которой день и ночь текут экипажи, кареты и толпы людей. Здание имеет столетнюю историю, но ничуть не потрёпано стариной; стоит, как и прежде, гордое, величественное, помнящее ещё Пушкина и Гоголя. Оно, как и прежде, восхищает прохожих помпезностью внешней отделки — колонны, лепнина, высокие окна, — но самый шок ждёт вас внутри: канализация и электричество. И если лампочки горели уже во многих домах в центре города, то канализация была поистине невероятной роскошью, и лишь спустя сорок лет станет массовым явлением в Санкт-Петербурге. А пока что выгребные ямы во дворах, как в деревне. Но в этой гостинице никаких ям. Только блеск кафеля, приятные запахи и вышколенный учтивый персонал.

В общем, наниматели сыщика не поскупились. Для гостей сняли два просторных номера по соседству на втором этаже — с видом на Невский, с тяжёлыми портьерами и пуховыми перинами, в которых утонул уставший путник. Носильщики принесли багаж, кряхтя, перекидывая чемоданы с руки на руку, а официант привёз на тележке обед, чтобы слегка подкрепиться в номере, но никак не для того, чтобы заменить собой грядущий шикарный ужин. Этот обед не дерзнул бы совершить такое кощунство!

— Где эта чёртова скрипка?! — дальше Шерлок бурчал себе под нос уже что-то совсем невнятное и не остановился, пока не разобрал все вещи: множественные пробирки для опытов, реагенты — некоторые, кажется, небезопасные для транспортировки, — грим и парики всех мастей и цветов, холодное оружие разных сортов — от стилетов до складных ножей, отмычки на все случаи жизни, скальпели и прочая, и прочая. Будь чемодан размерами ещё больше, то Шерлок, может быть, и запихнул бы туда целый труп, захваченный с другого дела для дальнейших вскрытий в интересах следствия в свободные часы перед сном. В общем, он взял всё самое нужное, а вот одежды среди прочих вещей было совсем мало. Ведь как она поможет расследованию? Сюртук — он и в Африке сюртук. А тряпье для работы под прикрытием лучше добывать на месте, чтобы одежда была местного покроя, фасона, сукна — не то выдашь себя с головой по одной лишь пуговице.

Ватсон тем временем пошёл в бар на первом этаже и прихватил с собой англо-русский словарь. И не столько для того, чтобы заказать стаканчик виски — благо, это слово одинаково на всех языках, — а скорее для того, чтобы, расположившись поудобнее в кожаном кресле в приятной атмосфере полумрака, мягкого света настольных ламп и шелесте чужих разговоров углубиться в изучение языка великого Достоевского.

Там он просидел около часа, выпил пару стаканов золотого, как по своему цвету, так и по цене, благородного напитка, чувствуя, как тепло разливается по телу, смывая усталость от дороги. Он решил дать креслу отдохнуть от водружённого на него весьма увесистого тела и отправился наверх провести своего компаньона.

Холмс открыл дверь почти тут же, как постучали, и так же быстро удалился, ничего не сказав. Он был в ярости: его ноздри раздувались как у быка на корриде, лицо закипало — красные пятна выступили на щеках, на лбу вздулась жилка.

— Друг мой, что случилось?! Что Вы там делаете? — вопрошал встревоженный доктор, заглядывая в комнату поверх плеча сыщика.

— Как что?! Не видите? Снимаю отпечатки! Твари! Подонки! Черти! — Холмс метался по комнате, то и дело наклоняясь к полу, к столу, к стульям, присыпая поверхности каким-то чёрным порошком из маленькой жестяной коробочки.

— Я прошу меня простить, но я всё ещё не понимаю. Это Ваш чемодан? — Ватсон кивнул на раскрытый саквояж, из которого торчали пробирки и парики.

— Ну конечно мой! Меня ограбили! Ограбили, понимаете?! — Холмс выпрямился и уставился на Ватсона бешеным взглядом.

— Кошмар! И что похищено?!

— Тапочки!

— Тапочки? — Ватсон не поверил своим ушам. Ему показалось, что он ослышался.

— Да, чёрт возьми! Мои тапочки! — Холмс взмахнул рукой, чуть не сбив со стола чернильницу.

— Холмс...

— Любимые! — голос сыщика дрогнул, и в этом дрожании было столько пафоса, сколько бывает только в оперных ариях.

— Быть может...

— Нет! Их украли! Эти черти из Скотленд-Ярда, тьфу, то есть из петербургской полиции! Те, кто сопровождал, отвозил наш багаж, пока мы были на приёме у генерала! — Холмс ткнул пальцем в сторону окна, будто полицейские стояли там, за стеклом, и подслушивали.

— Но зачем?! Кому нужны Ваши тапки?! — Ватсон развёл руками, изображая крайнюю степень недоумения.

— О-о-о! Во-первых, Вы не представляете, насколько они удобные. «Эти Ваши»... подумать только! Такого Вы мнения о них, да?! А зачем украли? Зачем?! Да, у меня тот же вопрос... Кто их знает! Клептоманы! Психи! — Холмс схватился за голову и заходил по комнате, наступая на разбросанные вещи.

— И всё же я не понимаю, зачем такая кутерьма из-за обуви. Вы ещё и отпечатки снимаете? Вы серьёзно? Убейте, не понимаю! — тон Ватсона стал твёрже.

— Вот именно! Понимали бы Вы их значимость, то сейчас сами бы землю носом рыли. Ладно! Хватит пустословить. Я затребую у полковника тех остолопов, что отвозили и относили в номера наши вещи. Я устрою допрос с пристрастием! Я устрою ад этим чертям! Ну или рай, если уж они черти... Или... Да неважно! — Холмс сжал кулаки, как боксёр перед выходом на ринг.

— Шерлок, я прошу Вас успокоиться! — вскрикнул в несвойственной ему манере Ватсон, да так, что голос его сорвался и он слегка взвизгнул в конце — звук был такой, будто чайник закипел. После чего, смущаясь, отвёл взгляд и продолжил уже спокойно, старательно выговаривая слова: — Я не позволю Вам отвлекать полковника такими вопросами. Звать офицеров на допрос без доказательств? Нет уж. Я думаю, что Вы забыли их дома, на Бейкер-стрит. Давайте отправим весточку миссис Хадсон, пусть проверит. Я бы не стал и её этим обременять, но раз уж Вам так важны эти ... тапочки, что ж. И если уж она не найдет их, то устраивайте допросы. Ладно, хорошо! Но без меня! — к концу своего монолога он снова выкрутил громкость на максимум, его голос, казалось, вот-вот должен был напугать соседей.

— Чёрт с ними! С тапками, с полисменами, со всеми! — Холмс махнул рукой, и этот жест означал капитуляцию — в этом конкретном бою, но не в войне.

— Вы слишком много чертыхаетесь, — заметил Ватсон, пряча улыбку в усы.

Шерлок бросил звериный взгляд на доктора — такой, что у того на секунду пропало желание шутить. Наверное, подобный взгляд делают тигры перед смертельной схваткой с сильным противником, когда шерсть встаёт дыбом, а глаза наливаются желтизной. Оба промолчали. Быстро остыли, как металл, брошенный в воду, с шипением и паром. И, не говоря ни слова, общаясь лишь с помощью мимики и скупых жестов, отдышались и помирились без «прости», без «извини», просто взглядами, которые значат больше, чем любые слова, договорились о времени, лишь пальцем показав на часы, так же молча собрались, оделись, предварительно разойдясь по номерам, и снова встретились уже в коридоре.

После взаимного кивка — короткого, военного, без лишних церемоний — они направились в сторону лестницы — широкой, укутанной в персидский ковёр и щедро освещённой новым чудом эпохи — электричеством. За последние полчаса ни одного слова не проронили британцы. Стены успели вдоволь отдохнуть от брани, если бы могли, то вздохнули бы с облегчением.

В лобби отеля у широченного окна — такого огромного, что в него можно было бы въехать на автомобиле — стоял полковник Славин с закрученными чёрными как смоль усами, которые он завивал по утрам с особой тщательностью. Он почесывал пузико под жилеткой, жест привычный, почти рефлекторный, и смотрел на огни улицы, на прохожих, которые куда-то спешили, несмотря на поздний час. О чём-то думал или даже мечтал — о домашнем уюте, о жене, о детях. Увы, его думы были бесцеремонно сбиты со своего полёта слегка хрипловатым голосом Шерлока Холмса, который внезапно громыхнул у него за спиной:

— О мой друг, Вы, я вижу, уже заскучали, ожидая нас. Но, кажется, мы не опоздали. Минута в минуту, секунда в секунду. По-английски.

Под усами Игоря Ивановича проступила, как подснежник по весне, улыбка настолько лёгкая, искренняя, славная, будто он увидел старых друзей после долгой разлуки, и он забормотал, оправдываясь, хотя никто его не обвинял:

— Да-да! Всё по времени, джентльмены. Я тут всего пару минут и ожидаю. До этого ездил по рабочим делам в ведомство, пока вы отдыхали.

— Пытали революционеров по подвалам? — пошутил, слегка перегибая палку, Холмс, и его шутка повисла в воздухе, как острый нож.

— Ну почему же сразу... по подвалам? Нам не от кого прятаться и на первом этаже, — ответил с очень серьёзным видом Славин, но тут же, не в силах держать наигранную серьёзность, рассмеялся громко, заливисто, от всей души.

Меткой стрелой полковник сбил острый нож, повисший в воздухе. Оружие упало к ногам собеседников.

Славин повернулся и позвал за собой. Улыбка скатилась с его лица так же резко, как сноп снега с крыши по окончании зимы. Задела ли его подобная шутка? Пытал ли он людей? Кто знает.

— Мы в ресторан опять на лошадях? У вас тут не ходят такси? — поинтересовался Холмс, поправляя шляпу перед зеркалом в вестибюле.

— Что простите? Такси? — переспросил полковник, нахмурившись, будто услышал слово с далёкой планеты.

— Ну... Машины. В Лондоне есть частные службы такси. Электрокары, а теперь еще и бензиновые авто развозят людей — сядишь, называешь адрес, и через полчаса ты на месте, никаких тебе лошадей, никакого сена.

— Увы, нет, — полковник с досадой вздохнул и продолжил оправдываться, будто сам был ответственен за технологическое отставание в транспортной сфере: — У нас пока машины — это частная собственность, удовольствие для богатых. И опережу Ваш вопрос: метро у нас тоже нет. Пытались в Москве открыть пару лет назад — идея была, проект готов, — но городская дума отказала в реализации проекта. Денег не дали, испугались новшеств. Впрочем, в Москве и Киеве уже давно ходят электрические трамваи — вагоны бесшумные, быстрые, почти как в Лондоне. У нас в городе тоже скоро запустят, обещают к весне. А ещё я читал, что инженер Ипполит Романов — да, фамилия как у царя, но не подумайте лишнего, не родственник, — так вот, он изобрёл омнибус. Электрический автобус для общественного транспорта, представляете? Идёт по маршруту, людей возит, ни лошадей, ни конюшен. Но депутаты всё никак денег не выделяют, не согласуют. Эх... А вот и наш экипаж. Пожалуйста, садитесь. Скоро будем на месте, а там уж держитесь! Пальчики оближете — такое местечко! — Славин хлопнул в ладоши, как ребёнок, которого ведут в кондитерскую.

Ехали недолго. И поверьте, это важно, когда на улице поздний вечер, холод, и это не автомобиль с печкой. Наконец кучер издал губами своё фирменное: «Пррррр...» — звук, похожий на ворчание старого медведя. Лошади звонко зацокали, копыта, по брусчатке выбивавшие дробь, смолкли. Дверцу экипажа с звонким щелчком открыл высокий, худой, в ливрее с позу-ментами лакей.

Усталому взору гостей столицы предстал во всей своей красе ресторан «Палкинъ». На них горделиво взирали массивные резные дубовые двери, такие тяжёлые, что, казалось, их мог открыть только античный герой-полубог.

Располагается заведение на углу Невского проспекта, 47, и Владимирского проспекта — в самом сердце империи, в двух шагах от императорских дворцов. Осенний петербургский закат догорал малиново-сизым заревом, огромным пожаром, застывшим в небе. Фонари ещё не зажгли, и от этого здания казались плоскими, нарисованными, точно декорации к театральной постановке, которую сейчас начнут играть.

Полковник Славин, потирая руки, довольным спокойным голосом произнёс:

— Ну, господа, сейчас я вам покажу настоящую русскую кухню. Осетрина в шампанском, расстегаи! Ой...

Пока Славин сглатывал слюну — она так и набегала на язык, — предвкушая заветный ужин, приправленный сладостным осознанием того, что брюхо можно набить за казённый счёт, Холмс вдруг замер, резко повернулся и уставился куда-то вдаль, словно хищник, почуявший добычу. Толпа людей скопилась в переулке — чёрная, живая, шевелящаяся, как муравейник.

Холмс молча, энергичным шагом направился к зевакам, преисполненный любопытством, длинные ноги несли его быстро, почти бегом, а компаньоны не отставали, перешёптываясь на ходу. Толпа небольшая, но плотная, живая — десятка полтора-два человек. Галдят. Кто-то крестится, кто-то из всех сил тянет шею, две полных купчихи в капорах ахают, прижимая руки к пышным грудям. Посреди мостовой, неестественно вывернув руку — кисть смотрела вверх, как у куклы, лежит, не шевелясь, низкорослый бородатый человек. Чуть поодаль — карета, кучер на облучке белый, словно полотно, от ужаса, не от холода, лошадь бьёт копытом, нервно всхрапывает, закатывая глаза, сама в испуге. Карета дворянская, рессорная — с гербом на дверце и бархатными сиденьями, а бедняга, лежащий на брусчатке, из простых: сермяга рваная, на локтях заплаты, картуз откатился в сторону и лежит в луже, пропитываясь грязной водой, лицо перепачкалось — не разберёшь ни возраста, ни черт.

— Зазевался, поди, — равнодушно роняет какой-то чиновник в сюртуке с орденом на шее. — Они, мужики, вечно не глядят по сторонам, всё себе под ноги, а надо бы вокруг.

— Да нешто их жалеть, — вторит другой, купеческого вида, с пузом беременной женщины. — Сам под колёса лезет, значит, и ответ сам держит.

Никто не спешит помогать. Все только глазеют — с безразличным сочувствием, с тем особым омерзительным любопытством к чужой беде, которое граничит с жестокостью, в городах распространено увы крайне широко.

Не прошло и минуты, как Ватсон уже ползал на коленях по мокрой брусчатке — ему было плевать, что он может испачкать новые выглаженные брюки, плевать на холод, на грязь, на чужие взгляды. Щупает пульс тремя пальцами на запястье, трогает шею, отряхивает лицо пострадавшему белым, накрахмаленным платком.

— Живой! Череп, кажется, цел. Нога сломана сильно, открытый перелом, надо шину. Полковник, велите швейцару вызвать скорую помощь! И одеяло, в ресторане есть одеяла? Да чёрт побери, что вы смотрите?! Живо! — голос Ватсона звучал резко, повелительно, как у человека, привыкшего, чтобы его слушались в критической ситуации.

Славин, чеша ус растерянно, будто не понимая, чего от него хотят, ответил:

— В «Палкине»? Доктор, не думаю. В ресторане одеяла? Там скатерти, салфетки, но одеяла...

Толпа, услышав «живой», разочарованно выдыхает — зрелище теряет остроту, теряет блеск, как потухшая звезда. Стадо начинает расходиться: кто в одну сторону, кто в другую, растворились дымом в вечерних сумерках. Кучер же, наоборот, с облегчением всхлипывает, сползает с облучка — ноги не держат — и мелко крестится на купол, шепча что-то неслышное, должно быть, молитву.

Холмс, шепотом себе под нос, оглядывая место происшествия — брусчатку, следы, положение тела, — произнёс:

— Будто намеренно не сворачивал. Может, кучер пьян?

Ватсон, поднимаясь и отряхивая колени, хотя грязь уже въелась в ткань, и днище, отряхивай — не отряхивай, всё одно пятна останутся, возмущённо ответил:

— Ради Бога, Холмс! Человек умирает, а Вы...

— Вы правы! — перебил его Холмс, поправляя шляпу. — Я сбегаю за швейцаром. Холод собачий! Да и дождь начинается.

Славин вздыхает тяжело, протяжно и снимает шинель, чтобы укрыть мужика. Шинель дорогая, офицерская, с серебряным шитьём, но полковник не колеблется ни секунды и накидывает её на дрожащее тело; та сразу тяжелеет. Из кареты, сбившей несчастного, выплыла широкая рыха с любопытным взглядом — толстощёкое лицо, маленькие глазки-бусинки, — и тут же, трусливо подрагивая, спряталось за шторку. Стало совсем темно и сыро, изо рта клубами валит пар, как из паровозной трубы. Вспыхивают, будто звёздные светила, будто десятки маленьких солнц, электрические фонари вдоль улицы. Благо, центр города давно электрифицирован, ещё с девяностых годов.

Вернувшийся Холмс говорит прерывисто, борясь с одышкой — пока бегал, поскользнулся на мокрых камнях и чуть не упал:

— Швейцар позвонил. Едут!

Доктор периодически проверял пульс распластавшегося бедняги — раз, другой, третий, — и оглядывался по сторонам. Холмс курил трубку: привычное дело, она успокаивала нервы. Славин, оставшийся без шинели, в одном мундире, на локтях которого уже проступили тёмные пятна сырости, с раскрасневшимися щеками, выдыхая пар, похлопывал в ладоши, ходил из стороны в сторону, чтобы согреться, но отказывался уходить в ресторан в одиночку из чувства долга или из простого человеческого сострадания.

Послышался цокот копыт и дребезжание — звук, который сначала был еле слышен, а потом нарастал, нарастал, как приближающаяся гроза. Показалась повозка — крытый фургон с красным крестом, запряжённый парой лошадей, серых, с раздувающимися боками, на которых отчётливо проступали рёбра. На козлах — санитар в форменной тужурке, рядом врач в круглых очках — стёкла поблёскивали в свете электрических ламп.

Ватсон быстро, профессионально, без единой запинки, словно на экзамене в медицинской академии, отрапортовал:

— Мужчина, около сорока, перелом голени, открытый, со смещением, возможна черепно-мозговая. Пульс удовлетворительный, дыхание ровное. Без сознания.

Врач, шустро выскочив из кареты скорой помощи, прыгнул, не дождавшись полной остановки, сказал:

— Простите, я не говорю по-английски, мистер.

Славин вместе с сыщиком синхронно кинулись на помощь — оба заговорили разом, перебивая друг друга, объясняя ситуацию, показывая на раненого. Слава Богу, лбами не столкнулись — разминулись в последний момент.

Несчастного мужика положили на белые, чистые, пахнущие карболкой носилки и унесли. Толпа, которая, было уже, рассеялась, снова сбежалась, но теперь это был не адский ажиотаж, а обычное любопытство. Представление наконец окончено, зрители могут расходиться. Поли-

ция тоже на месте — двое городских, — тот, что повыше, ведёт беседу с кучером, что-то записывает в блокнот, качает головой.

Время идти кушать. Аппетит, правда, рассосался, но это временно, от стресса — первый шок пройдёт, и желудок снова напомнит о себе. Всего несколько шагов по лужам, обходить их уже решительно не было сил, шли прямо, напролом. И вот распахнулись врата гедонистического рая. Тяжёлые дубовые двери без малейшего шума отворились — ими управлял швейцар, кряжистый старик с бакенбардами и в ливрее с золотыми галунами, — жестом руки, склоняясь, он пригласил бравых героев внутрь.

Играет живая музыка в лице струнного квартета, слепит свет электрических ламп, которые в десять раз ярче любого газа, расхаживают грациозно прекрасные дамы в шикарных платьях, разнося шелест шёлка и запах дорогих духов, столы ломятся от яств: осетрина, икра, ростбиф, фрукты, графины с разноцветными настойками. Но этим не удивить взыскательного клиента. Ладно, тогда вот вам, пожалуйста: двадцать пять залов — анфилады, переходящие одна в другую, каждая в своём стиле; бильярдная с массивными столами из красного дерева; электрические лифты. И вон взгляду предстает фонтан с тропическими растениями — пальмами, фикусами, лианами и бассейн со стерлядями, где рыбы плавают, сверкая серебряной чешуёй, абсолютно равнодушные к роскоши, которая их окружает. Согласитесь, неплохо? Ресторан точно войдёт в тройку лучших в городе, а то и во всей империи.

Швейцар, кланяясь, затворил врата Рая, оставив всю серую, нищую, скучную, холодную жизнь там, за стеной, и поспешил позвать метрдотеля. В России его ещё называют «франт».

— Господа, прошу сюда-с, — услужливо, аки змея, прошипел лысоватый метрдотель, изгибаясь в поклоне. Кожа на кости его худого лица была натянута так, что он напоминал Кощея Бессмертного, если бы тот носил усики и фрак с бабочкой.

Они поднялись по лестнице: мраморные широкие ступени, белые с голубыми прожилками, до блеска начищенные сапогами благородных посетителей, витражи в арочных окнах, которые даже ночью светились, пропуская свет соседних домов. Будто гуляешь по дворцу, а не пришёл набивать желудок. Прошли мимо великолепной красоты фонтана — журчит вода, сверкает на свету, пахнет свежестью. Вокруг пальмы, фикусы и другие растения, которые никак не ожидаешь встретить в городе, находящемся ближе к Арктике, чем к Чёрному морю.

Полковник Славин, заметив вытаращенные без смущения глаза Шерлока — тот не пытался скрыть изумления, что было на него совсем не похоже, — поспешил прошептать ему на ухо:

— Удивлены, мистер Холмс? Тут и не такое увидишь. Ну, а как отличиться от обычного городского трактира? А природа, знаете ли... успокаивает.

Метрдотель усадил гостей за стол, окинул взглядом каждого, попутно кланяясь, и, остановившись на Игоре Ивановиче, как-то особенно учтиво улыбнулся и согнулся чуть сильнее. Видно было, что знает полковника в лицо, и не просто знает, а имеет с ним какие-то особые, приятельские отношения.

Франт в подобном заведении должен знать в лицо всех постоянных или просто особо важных гостей — это его работа, его хлеб. Сервис. Шикарное обслуживание. Персональный подход. Это всё как раз входит в обязанности франта, главного официанта. В ресторанной иерархии эта должность находится выше шеф-повара, который мнит себя чуть ли не равным

владельцу и, безусловно, считает себя творцом уровня Микеланджело и центром вселенной. У метрдотеля есть отдельный кабинет, куда, будто его личные слуги, официанты носят еду, в то время как шеф-повар ест на общей кухне, хоть и за отдельным столом в углу — это уже о многом говорит.

Интересным и особо актуальным в революционную эпоху является тот факт, что официанты, не будучи буржуазией, а лишь прислуживающими ей, не наделённые властью и весомым капиталом, являются при этом одной из самых неподверженных революционным идеям групп населения, соревнуясь в этом плане, наверное, лишь со священнослужителями. Дело в том, что всё своё рабочее время они проводят рядом с толстыми кошельками: слышат их разговоры, видят их привычки, знают их слабости и, обхаживая их, чувствуют к этому некую причастность. Официанты не завидуют, не ненавидят, а мечтают и мнят себя практически равными тем, кто заказывает у них шампанское и телячий бифштекс — «мы с ними почти однокровцы», думают они. Они весьма неплохо зарабатывают, где-то там впереди, хотя очень и очень далеко, мерещится на горизонте должность главного официанта, а потом, может быть, и свой собственный ресторанчик, и... заживём. Примерно так думали они, скользя меж столов с подносами.

Игорь Иванович, слегка откашлявшись, сказал:

— Сегодня у вас в заведении гости из Лондона!

Он не стал упоминать род занятий британцев. Их дело секретно, и не стоит каждому в городе знать о прибытии сыщика, а то язык без костей, поползут слухи, сплетни.

Лысый усатый кощей откланялся ещё раз — низко, подобострастно — и представился на ломаном английском, выговаривая слова с таким усилием, будто поднимал штангу:

— Hello, gentlemens! My name is Luka. Welcome! Can I help you?

— Ко мне вы можете обращаться по-русски. И нет, пока ничего не надо, мы посмотрим меню. Хотя... Давайте водки! Всё-таки мы в России! — сказав это, Холмс хлопнул в ладоши и потер ладони, как муха, которой положили кусочек сахара. Чувствовался азарт, предвкушение — непривычные для того, кто обычно предпочитал чай и тишину. Человек этот не был излишне склонен к выпивке и поведение такое было для него весьма нестандартным, далёким от обычного, почти чужим. Видимо, начал проникаться Россией и её размахом, её гостеприимством.

— Я позову официанта. Вас обслужат в лучшем виде, — ответил метрдотель и, не дожидаясь ответа, скользнул прочь, как тень по стене.

Франт оглядел зал, сфокусировал взгляд на светловолосом юноше, стоявшем у колонны, слегка хлопнул в ладоши — сухой, отрывистый звук, похожий на треск полена в камине. К столику тут же подлетел молодой человек по имени Максим — услужливый, шустрый, с пронзительными голубыми глазами и вечной полуулыбкой на губах. Он был готов внимать, служить, исполнять любые прихоти гостей. Метрдотель откланялся и удалился, растворившись в полумраке зала.

— Холмс, позвольте, я закажу несколько блюд до того, как Вы изучите меню? Есть фирменные блюда, которые вы ну просто обязаны попробовать! Позвольте? — учтиво поинтересовался полковник, беря меню в руки и быстро перелистывая страницы с видом знатока.

По лицу сыщика поползла улыбка — медленно, как масло по горячему блину, — и он развел руки в стороны, обнажив манжеты белоснежной рубашки — сей жест означал крайнее одобрение и даже, можно сказать, полное вверение дальнейшей судьбы своего желудка в руки brave полковника.

— Ершовую уху с расстегаями, борщок с гренками — чесночными, с хрустящей корочкой, — конечно. Ещё стерлядь по-русски в сметане, с травами и... хм... свежим омаром с соусом провансаль мы гостей не удивим... давайте-ка поросёнка! С гречневой кашей. Ну и, судя по всему, винная карта не нужна. Наш заморский гость пожелал водки. Что ж... Пусть! — Славин заказал всё это скороговоркой, будто заучил заранее, и отдал меню официанту.

Ватсон, любивший русскую культуру, увлечённый местным колоритом, был в восторге. И не от белоснежной скатерти, серебряной увесистой посуды и бархатных портьер — это легко можно найти и в Лондоне, и тем более в Париже, где он бывал не раз. Его удивило, что такое респектабельное заведение не копировало всё с Европы, а сделало на смежный манер. Например, среди прочих европейских атрибутов роскоши, официант был одет как половой в обычном трактире, то есть не во фрак и бабочку, как во французском ресторане, а в широкие шаровары, заправленные в лакированные сапоги, белую кумачовую рубаху с вышивкой на вороте и передник, расшитый цветными нитками. Ну а этот тропический сад и бассейн с осетрами... Вот где разгулялась поистине вволю широкая русская душа.

Пока в зале гремели бокалы и дымилось жаркое, на кухне зашла речь про убийство.

Мсье Жан, шеф-повар, француз с усами-веером, бледнеет:

— *Sacré bleu!* Убийство? Ктё убил?

— Мсье Жан... говорю вам, он в ярости! — шепчет ему официант. — Он говорит, что заказал судака «Палкинъ», а Вы убили блюдо! — Француз посмотрел на принесенное назад блюдо, потом медленно повернулся к своему помощнику, молодому повару, застывшему в ужасе.

— Павел... Легкая корочка?

— Так вы же сами сказали — «золотистая»! — зажимисто пролепетал бедный Павел повару-инквизитору.

— Золотистая, идиёт! Посмотри на этот цвет сапог Наполеона под Ватерлоо! Это не рыба. Это есть уголь, который забыл, что он плавал! — Мсье Жан хватается за сердце. Павел истерично дергается с места, не зная, что делать, слезы наворачиваются на глаза. — Всё. Я уезжаю в Париж! Здесь не ресторан, а крематорий для ихтиёзавров. Прощайте, господа!

Пока шеф кланялся работникам кухни — служителям жерла вулкана чревоугодия, в зале ресторана завязался интересный диалог.

— А какая средняя зарплата у рабочего? В месяц, — неожиданно испортил своим вопросом всю пафосную идиллию ресторана Холмс.

Славин растерянно мотнул слегка головой, будто отмахивался от назойливой мухи, бросил взгляд то туда, то сюда, пытаясь сначала понять, что вообще происходит и с чего такой вопрос, а затем терзаясь попытками вспомнить цифры, и, сменив вальяжную позу на более строгую, выпрямив спину так, что хрустнули позвонки, покашляв в кулак, ответил неуверенно:

— Рублей двадцать-сорок... а что? — испуганно уточнил он, будто боялся, что сейчас его заставят работать за эти самые двадцать.

— То есть... хм... пятьдесят порций борща в этом заведении. Или пятнадцать порций ризотто с курицей — это заработок за месяц... — Холмс задумчиво постучал пальцем по столу, пробивая барабанную дробь.

Повисла неловкая пауза — тяжёлая, как свинцовая крышка. Славин засмутился и готовился уж было выслушать лекцию на тему неравенства, социальной несправедливости и классовой борьбы.

Холмс, заметив его состояние, успокаивающе махнул рукой:

— Да не переживайте Вы! У нас ситуация не шибко лучше: в Лондоне тоже есть и бедные кварталы, и нищие, и работные дома. Я просто хочу понимать степень расслоения общества для общей картины. Не обращайтесь внимания. Это всё моё любопытство профессиональное, Вы же понимаете. Кстати! — вдруг вспомнил он, оживившись и хлопнув себя по лбу, как будто его осенило великое открытие. — Вот водки мы заказали. Борщ тоже. А медведи?! Где же русские медведи, что должны быть на каждом углу?

— Ну это стереотип, — бросил ему полковник, утирая рот салфеткой.

Несколько минут ели молча; только стук ножей, звон вилок и редкие вздохи удовольствия. И тут как в сказке, прям к месту, заходит в зал толпа цыган. А с ними медведь — бурый, огромный, с кольцом в носу и в наморднике.

Косолапый танцует, переваливаясь с боку на бок, неуклюже и смешно. Громкая музыка гремит — режут бубны, гитары, скрипки — и вот-вот начнётся заунывная цыганская песня, от которой сжимается сердце и наворачиваются слёзы.

Все трое повернули головы в одну сторону, вытаращили глаза и замерли с открытыми ртами. Шерлок засмеялся первым. Вернее будет сказать, заржал, да так громко, раскатисто, запрокинув голову, что его шейный платок развязался. Непонимающий слов Ватсон тоже хохотал, а детектив со слезами на глазах тыкал пальцем в сторону медведя:

— Так стереотип, значит, что медведи ходят по улицам?!

Славину стало неловко. Смех стих. Губы его задрожали, и он долго собирался с силами, чтобы выдать из себя оправдание, которое звучало бы хоть сколько-то убедительно:

— Нет, ну медведи у нас, конечно, ходят, да... Они есть. Но это же цыгане их водят! Это не государственная программа, не повсеместное явление, а так, частное предпринимательство. И не везде! Это... всё равно стереотип. У меня же нет медведя! Да и у большинства людей нет... — он оглянулся по сторонам, будто искал поддержки у соседних столиков, но соседи были увлечены своей едой и новым шоу.

Холмс, уже успокоившись, досмеивался в кулак, Ватсон улыбался, препарируя рыбу. Наконец, официант принёс новый графин: чокнулись и выпили, закусили острым, солёным, жирным. И снова принялись смеяться, но уже с меньшей интенсивностью — так, по инерции. Вскоре лишь лёгкая улыбка осталась висеть на лицах. Все что-то усердно жевали, челюсти работали, как мельничные жернова. Слушали цыганские романсы — их пение, полное тоски и надрыва, разрывало душу на части. Но вот цыганский табор ушел в закат, унося свою музыку в другой зал. Да, и в такого класса заведения пускают цыган, что ты будешь делать с традициями? Что поделать, если купец башляет сотни рублей за вечер? Буквально бросает смятые купюры и в медведя, и в официантов, и в музыкантов. Те кланяются и целуют щедрую руку. Даже медведь.

Ватсон, заметив, что собеседники со скукой изучают в очередной раз меню, неожиданно обратился к полковнику, чётко отчеканивая каждое слово:

— Я очень люблю русский литература!

Шерлок опешил от неожиданности — брови его взлетели вверх, и он перестал жевать. Ватсон выучил фразу на русском! Сам! Доктор отодвинул словарь, который всё это время лежал у него на коленях открытым на нужной странице, и гордо посмотрел на собеседников.

Славин, явно обрадованный и тронутый, ответил ему на русском:

— О! Это... хм! Здорово! А я, как-то знаете, всё больше люблю зарубежную литературу. Кстати, английскую вот тоже — в ней есть что-то такое... сдержанное, но глубокое.

Ватсон раскрыл рот и смотрел на собеседника: он слушал, но ничего не понимал. Засмутился, сбросил с лица дурацкое выражение и сделал вопрошающее лицо — такое, которое говорило: «Скажи ещё раз, но помедленнее, и лучше на английском». Собеседник, не будучи дураком, тут же понял, приставил ладонь ко лбу и закрыл глаза, показав жест, означающий «ах, какой же я болван», осознал оплошность и, посмеиваясь, перешел на английский:

— Извините! Я забыл, что Вы не говорите по-русски. Я сказал, что предпочитаю иностранную литературу, в том числе английскую. Например, Конан Дойль. Его книги Вам нравятся?

Доктор покрутил в голове: «Конан Дойль... Конан Дойль...». Знакомое имя, но читал ли он его? Кажется, нет.

— Нет, не читал, — ответил Ватсон, и в голосе его не было и тени сожаления. Шерлок тоже отрицательно покачал головой.

Полковник заметно расстроился — его лицо вытянулось, как у ребёнка, которому не купили мороженое, — задумался, усердно, до морщин на лбу, старался вспомнить кого-нибудь ещё из писателей и, задрав палец вверх так, что чуть не задел пролетающий мимо поднос с вином, чуть ли не вскрикнул от радости:

— Джек Лондон! Отличный английский писатель!

Шерлок печально вздохнул, понимая, что сейчас ему придётся разочаровать собеседника:

— Это не английский писатель. Он американец из Калифорнии.

— А, да. Точно, точно... — пробурчал невнятно Славин, покраснев до корней волос.

И тут, слава Богу, свершилось чудо: на помощь офицеру прибыло подкрепление в виде официанта с подносом, на котором горделиво взгромоздились царь-борщ и царица-уха — они дымились, распространяя вокруг аромат такой силы, что у присутствующих заурчало в животах, несмотря на неприличное количество употребленных блюд. Ароматное кушанье сгладило все шероховатые углы их беседы, застало их врасплох, снесло укрепления насыщенным запахом, а вкусом с первой ложки и вовсе свалило картечью на повал.

— Ммм! Хо-ро-шо! Вкус-но очень! — выговаривая по слогам, прикрыв глаза от наслаждения, прошептал Ватсон, дожевывая осетрину, выловленную им в ухе с азартом истинного рыбака. Его глаза были закрыты, лицо расслаблено, и он слегка покачивался в такт неслышимой мелодии.

Полковник улыбнулся довольно, как сытый кот, а Шерлок и вовсе не стесняясь рассмеялся, похлопал друга по плечу по-дружески, по-свойски, и сказал:

— Ха! Вы делаете успехи в изучении нового языка, доктор!

Но эту фразу, произнесенную на русском языке, Ватсон был пока не в силах понять и потому сконфуженно потупил взор и сделал вид, что сосредоточен на еде.

Ложки звонко гремели. Дымящийся паром бульон обжигал язык. Тарелки пустели одна за другой, как крепости, сдающиеся врагу. Господа приняли непростое решение: надо двигаться дальше, это их джентльменский долг. Если набить пузо супом до отвала, то как они посмотрят в глаза запечённому осетру и румяному поросёнку. А ведь и на них ужин не закончится: впереди были десерты, фрукты.

— Полковник, Вы мало пьёте, — сказал Шерлок Холмс по-пьяному, сильно растягивая слова. Он уже изрядно набрался — щёки его покраснели, язык начал заплетаться, но глаза ещё сохраняли ясность. Игорь же, который пить умел и любил (за плечами была долгая служба, где без этого никуда) всё скромничал, ощущая себя на работе. А ведь так и было: он выполнял приказ генерала — кормить и всячески ублажать дорогих гостей.

Но Холмс сломил его своей настойчивостью, и полилось вино рекой. Вернее, водка. И не совсем рекой, всё-таки купцов за столом не было, таких, которые пьют ведрами и не пьянеют. Но ручейком уж точно полилась беленькая! Графин. Ещё один. Всё закрутилось, завертелось, потекла беседа, стали громче голоса. Ватсон, который был и раньше всем доволен и ничего не понимал, слегка захмелев от усталости и от выпитого, теперь был доволен ещё больше и ничего не понимал уже вдвойне. Как? А легко: раньше он по мимике, по немногочисленным знакомым словам мог хотя бы слегка уловить контекст разговоров, которые шли порой на русском языке, а теперь... О чём говорить, если всё вокруг звучит эхом, будто упал с солнечным ударом на дно колодца, а там, где-то сверху, разговоры, чужие, непонятные. Ну его! Не стоит даже пытаться думать.

Доктор просто улыбался и поедал глазами окружающий его колорит: красивые и не очень лица за соседними столиками, шикарные платья дам, игру света в хрустале. Про желудок тоже не забывал и подкидывал туда, будто во всепожирающую топку океанского лайнера, горячее в виде ветчины всех сортов, сыров, солений, котлет и прочего смака.

— Холмс, а расскажите мне историю из Вашей детективной практики. Интересную! — Славин, уже изрядно захмелевши, дозволил себе немалую дерзость и водрузил локти на стол, что было строжайше запрещено этикетом. Он подбоченил ладонью начинающее оплывать лицо.

— Ну... может, про молодого любовника королевы Англии? — ответил неожиданно серьёзно и не слишком громко Холмс, дабы посторонние уши их не слышали, оглянулся по сторонам и понизил голос почти до шёпота.

Было видно, как слюна медленно двигается по горлу полковника. Вот она подошла к кадыку, замерла. Глаза навывкате, белки блестят. Кажется, он не слабо протрезвел, словно от удара лопатой по голове. Думает, как ответить, чешет репу, моргает, перебирает в голове варианты.

Холмс выдержал артистическую паузу — долгую, напряжённую, как струна перед разрывом, а потом громко захохотал и, хрипя, пробурчал, похлопывая полковника по плечу:

— Перепугались? Ха-ха! Думаете, я выдал бы тайну королевы?! Да и тем более... — тут он снова перешёл на шёпот, придвинувшись к Игорю почти вплотную, — молодой любовник тоже является первым лицом одного из государств! — тут он резко остановился и сделал серьёзное лицо.

Выражение лица полковника Славина надо было видеть. Бедняга только сбросил испуг и начал улыбаться, облегчённо выдыхать, как вдруг вновь глаза надулись, слюна встала в горле, и пропал дар речи — он открыл рот, закрыл, открыл снова, но не издал ни звука.

Шерлок не выдержал долгой паузы и опять загоготал, уже пуще прежнего, так, что на них стали оглядываться другие посетители:

— Ну всё! Всё! Простите меня за мои шутки. Нет, конечно, никакого любовника. Ну, или я об этом ничего не знаю. Я всё выдумал. Чистая фантазия.

Игорь погрозил пальцем собеседнику, как грозят шаловливому ребёнку, закачал головой, думая: «Вот чертяка!», осушил рюмку залпом, не поморщившись, и закусил пожарской котлетой — сочной, румяной, тающей во рту. Шерлок сделал всё то же самое, полностью повторив гедонистический ритуал, но попутно бросил секундный взгляд на доктора. Тот пропустил всю эту сцену с подколами и вытаращенными глазами: он откинулся на спинку стула, языком ковырял что-то во рту — то ли застрял кусочек мяса, то ли просто так, глупо улыбался и водил взглядом по залу, рассматривал что-то или выглядывал кого-то. Разберёшь разве его? Главное — доволен! Отдыхает.

И тут взгляд сыщика упёрся в широкую преграду — бородатую такую, в расстёгнутом пиджаке и с красной физиономией. И она неминуемо приближалась, как очередная война, как судьба, от которой не уйдёшь. Была так же сурова, неотвратима и, кажется, чертовски пьяна. И вот она уже в двух метрах от столика, поднимает руку, давая о себе знать тяжёлым, как бревно, кулаком.

— Игорь Иванович! — завывала двухметровая преграда, и звук этот был подобен трубному гласу. Он доносился откуда-то из-под косматой бороды, можно было бы подумать, что из живота, а быть может, из самой преисподней. Славин, чуть не опрокинувшись на стуле, и вовремя схватившись за край стола, провел рукой по волосам и пробурчал что-то недовольное или непристойное — одни губы шевелились, звука почти не было.

Шерлок тем временем внимательно изучал облик гостя, составлял портрет, используя свой дедуктивный метод, который, как ему почему-то казалось, никогда не давал осечки: «Так... у него, по-видимому, есть собака — шерсть на брюках. В ресторан его привезли, сам пешком не шёл, ведь ботинки чистые, а на улице идёт дождь и чистильщиков сейчас нет. Выпил, наверное, под литр водки, а то и больше, судя по красному носу и мутноватым глазам. Не шибко богат — костюм не самый дорогой и потрепан, на локтях лоснится. Борода — это ладно, но волосы, как заросли, сальные, давно не мытые. Видимо, беда с финансами или нет семьи и некому приглядеть. А может, и то, и другое...»

Уже причалив к столику, словно огромный корабль к причалу, и бросив якорь, тяжёлую, пухлую, поросшую темными волосами руку, на спинку свободного стула, незнакомец гаркнул в кулак раз, другой, чтобы продрать голос, и, будто только сейчас заметив за столом кого-то

еще, он вздрогнул всем своим могучим телом, собрался, опять гаркнул в кулак, и начал рычать свою хриплую, раскатистую песню:

— Господа-а-а, я рад быть здесь! Купец первой гильдии Рогожин Афанасий Семёныч. Рад! Вас! Видеть!

Закончив свою донельзя членораздельную речь, он вытянул пухлую ладонь вперёд. Первым пострадать от недюжинной силы Афанасия предстояло Холмсу. Он встал; стул, скрипя, отодвинулся. Было как-то неловко от неожиданности, да и без шуток страшно. Что, если этот малый ручку того... сомнёт, как ребёнок голову птичке? И всё! Поминай как звали. Но везение сегодня оставалось на стороне англичан. Купец пожал их руки не изо всех сил, а только слегка, осторожно. И дело тут не в чрезвычайном опьянении и не в слабости и пухлости конечностей. Напротив, от силы этих ручищ многие ложились наземь: рассказывали потом, что после рукопожатия Рогожина пальцы не разгибались неделю. Был и такой опыт у людей, повстречавшихся Афанасию на пути. Всё дело в его воспитании — он понимал, что перед ним не крестьянин какой и тем более не купец из Нижнего, с которым можно силой мериться. Это изнеженное пивом и рыбой тельце не шибко рослого британца, и с ним надо быть предельно осторожным. Тем более, что гость.

“Рогожин... Как у Достоевского. Это он? Родственник? Тогда надо быть с ним осторожнее!” — такая мысль пронеслась через голову Холмса, вылетела и упала в тарелку с супом.

Когда бледная ручка Холмса оказалась в западне и клешня Афанасия схлопнулась, то можно было уже расслабиться: ладонь не хрустнула, косточки не треснули. Скоро её отпустят и всё кончится. Можно помолиться, расслабиться и отдохнуть. Но не всё так просто! Откуда ни возьмись вторая ручища прилетела и звонко похлопала сыщика сначала по локтю, так, что рука дёрнулась, а потом по плечу, чуть не сбив его с ног. Слава Богу, не потрепала по щекам — легко отделался. Рогожин улыбался. Улыбка его была широкая, простодушная, в ней не было ни злобы, ни подвоха. В его большущих, слегка покрасневших от бессонного пьянства глазах царил та особая доброта, которая бывает у людей, которые много знают о жизни, но не ожесточились.

Посмотришь на эту компанию сейчас со стороны и подумаешь: «Ну точно, встретил родственников на базаре».

Затем и Ватсон подвергся такой же процедуре: рукопожатие, похлопывание, дружеский хлопок по плечу, от которого тот едва устоял на ногах, и словарь чуть не выронил. Они с купцом, к слову, были в похожей кондиции — сильное опьянение, до состояния пушистой ваты на месте головного мозга. Хуже всего пришлось бедному Игорю. Их отношения, будь то знакомство, или дружба, или что там ещё между ними было, были неважны. Важно то, как его отделили. Удар грудной клеткой о грудную клетку — раз, объятие, от которого затрещали рёбра, — два, хлопки по спине, от которых чуть дух не вышибло, поцелуй в щёки — трижды, громко, с присвистом, — и, видимо, чтобы добавить удар, подобный молниям Зевса, — могучая лапа, падающая с высоты птичьего полета на плечо. Славин пошатнулся, ухватился за стул и чудом не рухнул на пол. Страшно, одним словом. Неподготовленный к купеческим повадкам британец упал бы замертво, на месте, не пикнув. Но разве проймёшь этим русского полковника? Впрочем, тот был недоволен, по глазам видно. Но не в излишней физической близости было дело, просто сейчас эта встреча была совсем не к месту — у них секретное дело, а тут такой шум, весь ресторан на них смотрит.

Славин не особо пытался скрыть недовольство: брови его сдвинулись, уголки губ опустились, а Рогожин не особо и обращал на это внимание. Он плюхнулся на стул, заказал себе водки и поросёнка.

— Так Вы, как я понял, говорите по-русски, но Вы из Англии? Я правильно понимаю? Ага! Может, с Вами дело выстроим? Бизнес! Вы в Москве с деловым визитом? — интересовался купец. Глаза его расходились в стороны, в бороде застряла какая-то ягода — не то клюква, не то брусника.

Шерлок разминал подбородок пальцами и держался, чтобы не засмеяться, потому что было ему и смешно, и неловко одновременно от лицезрения сей ягодки. Он сидел, сжав губы, и смотрел в сторону.

Лицо Ватсона надо было видеть. Он улыбался как дурак во весь рот, обнажая зубы, слушал внимательно, наклонял голову то в одну сторону, то в другую и старательно ловил каждое слово, хотя не понимал почти ничего, и наконец выпалил выученную фразу:

— Не... не знать!

Все засмеялись. Даже полковник дал волю чувствам и хохотал, утирая слёзы. Не смеялся только Афанасий. Он растерялся: его лицо вытянулось, глаза округлились. Он почесал репу, задумался.

— Мой друг не говорит по-русски, но я говорю. И да, из Англии и по делу. Но дело секретное, военная тайна не для чужих ушей, — объяснил Холмс, понижая голос.

— Военный контракт? Я многих знал, кто сколотил капиталы на русско-японской — на поставках мяса, на фураже, на боеприпасах. Вот мы её проиграли, да? Ну вот. А люди заработали. Те, кто надо. Новая война накануне? Я знаю, вы, британцы, с нами в контрактах. Небось оружием балуете революционеров? — Афанасий наклонился вперёд, понизив голос, и посмотрел на Холмса в упор.

Игорь стукнул по столу так, что приборы, подпрыгнув, зазвенели, и отчётливо, будто и не пил, командовал:

— Хватит! Афанасий... во-первых, никаких речей про революционеров. Во-вторых, они не по этой части. В-третьих, ты не вовремя!

Громадная бородатая туша, простите за выражение, иначе сложно описать это скопище плоти и костей, отодвинула стул с грохотом и встала. Будто гора, заслоняющая солнце, он заслонял собой часть электрических ламп. Затмив собою свет, он прогудел, почти не открывая рта, и звук этот шёл откуда-то из глубины, из груди, из самого нутра:

— Ты, Игорь, зря так! Ладно! Понял! Не буду мешать. Господа... — он окинул взором англичан. — Я... пошёл к себе в кабинет. Там такой стол! Не то что у этого скупердя полковника... Там такие блюда, которых в меню нет: я их сам заказываю, сам себе придумываю, сам и ем. Заходите, если что. Эхххх... — он тяжело выдохнул, и этот выдох был похож на стон уставшего быка. — Ещё драка впереди, а так хочется спать уже — сил нет, глаза слипаются, — пробурчал он.

— С кем драка?! — резко спросил Холмс, в голосе его зазвучал живой интерес.

Купец, тяжело вздыхая, ответил с философским спокойствием:

— Да повод-то и участников мы найдём...

На этих словах, ссутулившись, сильно выкатив вперёд широченные плечи, он удалился, тяжело переставляя ноги, будто каждая была налита свинцом.

Дедуктивный метод Шерлока разбился о железного купца, как волна о скалу. Рогожин богат — это ясно по его размаху, по заказам, по тому, как он держится, а на дорогой костюм поспешил, ведь лучше лишний раз заказать цыган, чем обновить гардероб. Неопрятный внешний вид показался Шерлоку следствием отсутствия денег или семьи, но у Афанасия есть любящая жена и несколько детей, а денег куры не клюют. А вот собаки нет — шерсть на штанах, которую Холмс принял за собачью, оказалась от цыганского медведя. Или вырвались клочья из шубы, о наличии которой Холмс, расхаживающий в своём пальтишке, не помышлял.

По дороге в гостиницу Ватсон разболтался со Славиним так, словно они целый век уже закадычные друзья. Вот, что делает с людьми водка. В номера тела были доставлены в целости и сохранности. Работники отеля и городской, который дежурил у входа, потрудились на славу: помогли подняться, раздеться, уложили в постели, поставили на тумбочку стаканы с водой. Полковник сам еле стоял на ногах — его шатало из стороны в сторону, а глаза слипались, но, будучи офицером, он ответственно выполнял свою работу.

— Ваше благородие, разрешите удалиться? — скромно поинтересовался усатый городской, затачивший тела британских господ в номер.

— Вольно! Ступай, родимый. — проговорил Игорь, зевая.

Проследив за доставкой потерпевших от водки и от яств в кровати, полковник отдал распоряжения по доставке завтрака в номер, да не простого, а похмельного: рассолу, холодца, чаю покрепче, заказал для англичан сельтерской воды. Хлопнув в ладоши — этот хлопок прозвучал как финальный аккорд, — он выпорхнул на улицу, вдохнул прохладный свежий воздух, хотел было закурить, но вспомнил, что бросил, опёрся на колени и рассмеялся. Смеялся он долго, заливисто, сам не зная чему: то ли от облегчения, то ли от нелепости всего этого вечера, то ли от жизни, которая вдруг показалась ему не такой уж и плохой.

— Изволите домой? — поинтересовался старый кучер, который ждал его всё это время, курил махорку и смотрел на звёзды.

Полковник кивнул и тяжело залез в коляску. Ноги его не слушались. Сел, откинулся на спинку. Тронулись. Только что взошёл молодой и яркий острый серп луны, он отдыхал на чёрном бархате ночного неба. А окно номера 14 на втором этаже сотрясало от храпа.

Ватсон, засыпая — он уже проваливался в сон, ещё не заснул, но уже не видел окружающего, — несмотря на крайне сильную степень опьянения и затуманенный мозг, ещё не раз вспомнил сбитого мужика, с которым они столкнулись у ресторана, думал, как там этот бедняга, выживет ли, довезут ли вовремя, молился за него про себя, по-английски, коротко, как умел. На улице было почему-то теплее, чем днём — может, ветер стих.

В дверь номера Холмса постучались. Человек в шляпе и черных очках впорхнул внутрь призраком. Он сел в кресло и медленно, тихо заговорил:

— Мистер Холмс, я рад, что Вы приехали в Россию. Вы — гений сыска, я — гений преступного мира. Два непревзойденных по мощности мозга должны работать вместе. Мне жаль, что наши судьбы сплелись при таких печальных обстоятельствах, но теперь Вы обязаны со мной работать.

Шерлок кинул презрительный взгляд на Мориарти и отвернулся.

Кровавая буква

Утро было не совсем добрым. Хорошо хоть плотные тяжёлые шторы задёрнуты. Бесстыдно ярко светит солнце. В ноябре. В Петербурге. Тьфу, как ему не стыдно? Песок в глазах, во рту — пустыня. Еще слегка пьяным британцам погода была не в радость. Им пока не нравилось ничего, честно говоря.

Сытный завтрак и свежесваренный кофе многое исправят. Благо, всё это принесли прямо в номер, и можно не позориться перед гостями отеля оплывшими лицами, но главное — самим не видеть чужие недовольные рожи.

Выйти на улицу было хорошей идеей. Ветерок, непривычно тепло, нежные солнечные лучи греют лицо и саму душу — лепота. По лицу Ватсона проплыла улыбка. Впрочем, недолго продержалась, недолго музыка играла, недолго доктор танцевал. Мигрени давали о себе знать.

— Ну и надрались мы вчера, надо сказать, ахахах! — Холмс хрипя засмеялся. Смех перешёл в кашель. Довольно сильный. Он застучал в кулак, словно отбойный молоток.

— Эх... бросали бы Вы курить, Холмс. Я Вам это как доктор говорю. И как друг.

— А кто сказал, что мы уже стали друзьями? — пробурчал Холмс, продолжая кашлять, впрочем, уже с меньшей интенсивностью.

Ватсон обиженно насупил брови и перевёл понурый взгляд на собеседника. Тот, не в силах себя больше сдерживать, рассмеялся и поспешил заверить доктора, что их дружба крепка как никогда, словно дамаская сталь, а сказанное — лишь глупая шутка.

Друзья решили пройтись, до встречи с полковником еще около часа. Они свернули с Невского в один из переулков. Петербург шумел где-то в стороне, а здесь было тихо — слишком тихо. И эта тишина вдруг взорвалась криком.

Из магазинчика на углу вылетел человек, за ним — ещё двое. Лавка разгромлена: стекло выбито, дверь сорвана с петель, на мостовую вышвырнули тюки с тканью, какие-то бумаги, посуду. Несколько мужчин в чёрных косоворотках и картузах, человек шесть, орали, размахивали руками, пинали ногами то, что ещё минуту назад было товаром. Один из них держал за шиворот пожилого еврея с разбитым лицом и трясущимися руками. Тот не кричал, не сопротивлялся — только закрывал голову, ожидая нового удара. Несчастного пленника ударили в живот, и он упал. Другой бравый молодец ударил корчащееся на земле тело с ноги.

Ватсон рванул вперёд, но Холмс перехватил его за локоть. Крепко, почти до боли.

— Стойте.

— Вы что, не видите?! Они его убьют!

— Вижу. Но если сейчас вмешаетесь, то убьют ещё и Вас, и его заодно. У них толпа, у нас — два револьвера.

Черносотенцы, так их называли, были из «Союза русского народа». В 1905 году это движение набирало силу: лавочники, извозчики, мастеровые, а то и просто пьяные молодчики, которым дали повод и безнаказанность. Они устраивали еврейские погромы, громили лавки, убивали. Это ультраправые монархисты, и потому власть смотрела на это сквозь пальцы, а иногда и поощряла: черносотенцы казались удобным орудием против революции. «Бей жидов,

спасай Россию» — их лозунг, а главный враг — евреи, студенты, революционеры. Ленин призывал убивать черносотенцев.

Ватсон, не в силах больше сдерживаться, выхватил револьвер. Не выстрелил, просто поднял и пошёл вперёд. Медленно. Спокойно. Лицо белое, глаза сухие.

Черносотенцы увидели его. Увидели револьвер. Переглянулись. Кто-то выругался, другой бросил палку, и побежали, как крысы с корабля.

Доктор подошёл к старику. Тот сидел на снегу, прижимая рваный рукав к разбитому лицу, и что-то шептал. Ватсон наклонился и со словами “Can I help You?” протянул руку. Старик поднял глаза и не поверил. Англичанин разогнал толпу радикалов в Петербурге, чтобы спасти старого еврея.

Холмс стоял поодаль и молча курил. Вернулись в гостиницу, разошлись по номерам.

Не прошло и получаса, как прибыл полковник Славин. Он был свеж, будто и не пил вовсе. Лицо его было серое, строгое, угрюмое, но это привычное явление для большинства офицеров в таком высоком звании.

— Good morning, gentlemen! How are you?

Его фраза могла показаться издевкой. Он же должен был понимать, в каком сейчас состоянии английские гости. Впрочем, джентльмены оставались джентльменами, а потому ответили коротко и почти синхронно:

— Great. Thank you! And what about you?

Учтивая беседа привела их в коридор. За бурным, сопровождающимся обильным смехом обсуждением вчерашнего вечера они сели в экипаж, и, уже покачиваясь по брусчатке Невского проспекта, приступили к деловому разговору.

— Куда мы, собственно, едем? — поинтересовался Холмс.

— В императорский дворец, — сухо ответил полковник.

— Зимний дворец? Наслышан...

— Нет, — Славин резким, как нокаут, ударом прервал собеседника. — Мы направляемся в Александровский дворец. В этом году императорская чета переехала именно туда, а Зимний сейчас используется лишь для государственных официальных встреч.

— Так всё-таки встреча с русским царём состоится? — воодушевлённо вопрошал Холмс, его глаза загорелись, как у ребёнка, спрашивающего про новую игрушку.

— Нет, — всё так же сухо отвечал полковник. — Там вы сможете осмотреть покои императрицы. Место преступления.

Такой громкий и задорный вчерашним вечером, сегодня Славин был крайне немногословен.

— Далеко ехать? — поинтересовался Ватсон, сняв шляпу и расплывшись в улыбке в попытке сесть поудобнее.

— Часа три, — слова отстрекотали очередью из усов, как пулемет из окопа. Игорь Иванович уже с минуту как не сводил взгляда с точки на полу, пялился будто кот на муху. Но там ничего не было. Видимо, личные или деловые заботы всецело поглощали его внимание и, как паразиты, сжирали эмоции.

— Мдаааа... Слышали, Ватсон? Three hours! Ну ничего! У меня как раз был вопросик к Вам, господин полковник. — Тут Шерлок хотел наладить зрительный контакт с собеседником, но, осознав тщетность этих попыток, без того начал говорить: — Как устроена политическая жизнь у вас в стране? Я не про подковёрные игры министерств и прочих ведомств. Я имею в виду революционные партии, криминальные группировки и прочие силы. Кто за кого? В чём суть каждой группы? Постарайтесь прояснить, прошу Вас! — Он молил. Шерлок редко был увлечён чем-то кроме дедуктивного метода и изучения проб почвы, табака и отпечатков пальцев. Если он интересовался чем-то из политики или истории, то обычно это было по делу.

Славин резко оживился. Он зевал в этот момент, его брови поползли куда-то вверх, он резко повернул голову, прикрыл рот широкой ладонью. Утерев слёзы с глаз после зевка, совсем не тем, что прежде, энергичным тоном возгласил:

— Тема как раз на три часа обсуждений! А если начнутся дискуссия и дебаты, то и на все двадцать. Знаете, Вы, мистер Холмс, как время скоротать, — на этих словах он засмеялся, впрочем, быстро перестал, откинулся поудобнее на спинку сидения, закинул ногу на ногу и начал свой рассказ:

— Главное отродье дьявола — это эсеры. Социалисты-революционеры. Думаю, вы знаете всё о них. Главный метод — террор. Убили министра МВД Плеве, министра Сипягина и сотни других людей. Едем дальше. На другую сторону реки. Правые. Черносотенцы. Слышали? Выступают против революции и конституции, за веру, царя и отечество. Звучит хорошо, да? Однако же именно они зачинщики еврейских погромов. Как бы вы к евреям ни относились... убивают ведь и женщин, и детей. Тоже преступники, хоть и с монархическим флагом. Для государства не угроза, но лично для меня... такие же душегубы. Ещё есть кадеты — безобидные демократы. И безобидные либералы-октябристы. Ну и РСДРП. То есть большевики и меньшевики. Союз у них, будь он не ладен! Меньшевики за сотрудничество с либеральной буржуазией, большевики — за вооруженное восстание, террор, гегемонию пролетариата. Грабят банки, магазины, оружие за границей закупают. Самая главная ирония тут в том, что сила и большинство именно у меньшевиков, несмотря на название. А большевики...

— Да, слышал, — кивнул Холмс, — большевики немногочисленны. Пшик. Маргиналы.

Ватсон оживился, вскинул брови, образовав тем самым волны морщин на лбу, и спросил:

— Кто такие эти большевики?

— Неважно, дорогой мой доктор. У них нет будущего, — на вопросы доктора Шерлок лишь махнул рукой.

— Да. Такого мнения придерживаемся и мы, — строго ответил Славин, — это тебе не эсеры. Чёрт их раздери... так, дальше. Что у нас ещё...

— Да у вас, я смотрю, и так весело, не две партии, как у нас, хахаха! — Холмс загоготал, но, увидев побелевшее лицо и яростные глаза полковника, явно не оценившего шутку, тут же смолк.

Славин продолжил:

— Из криминального мира прежде всего я бы выделил хитрованцев — дно Москвы. Притоны, воров, артели грабителей. Масштаб! Ещё банды вроде «Варшавских котов». Гастролёры, польские бандиты. Но не того масштаба это птицы, если говорить о предмете вашего расследования — об украшениях императрицы. В нашем славном Петербурге криминальный мир тоже пёстрый. Вот, например, марвихеры. Ходят в дорогих костюмах, примазываются к приличной публике и подрезают кошельки. В театрах и не только. Есть ещё химесники, гордушники, подкидчики. Но это всё кражи масштаба кошельков и магазинов, мошенничество мелкого и среднего пошиба. Шушеры много. А такой банды или хотя бы некоего гастролёра, что грабит центральные банки с прочными хранилищами или обносит охраняемые особняки

генералов... таких сейчас на примете нет. Уж извините, Холмс. Поэтому видимо и позвали Вас из далёких краёв к нашим холодным берегам. Уж коли не Вы, то...

— Да... без меня никуда. А работы, я вижу, у Вас, друг мой, немало. Попробуй только уследи за количеством всех этих групп, что норовят власть присвоить или пострелять городовых, будто уток на охоте. Не знаю, как Вы с этим справляетесь...

Ватсон вдруг вставил:

— А ещё я слышал про анархистов!

Надо отметить тот факт, что весь диалог шёл на английском языке. Иногда Славин не мог подобрать слова — всё-таки тема сложная, — и тогда он говорил на русском. Что-то помогал перевести Холмс, потому что Ватсону было очень интересно.

Полковник продолжал:

— Да. Есть у нас анархисты-коммунисты. Антихристы! Убивают всех без разбора. Есть анархисты-синдикалисты и анархисты-бомбисты. Ну, и на десерт, как же обойтись без национально-освободительных сепаратистских движений на окраинах. В Польше, Финляндии, на Кавказе... Ох, дорогой Шерлок, завидую я вашей британской стабильности. Как это у вас только получается с таким количеством колониальных земель и с не меньшим расслоением общества?!

— Друиды, — произнёс задумчиво Холмс, глядя в окошко и оперев подбородок на костлявый кулак.

— Что, простите? — поинтересовался едва ли не шёпотом опешивший Славин.

— Ну, друиды. Жрицы древних кельтов, живших в Англии. Своей магией хранят наш остров. Стражи стабильности!

Полковник застыл — серьёзен ли в своих высказываниях англичанин, или опять шутить изволит. Но Шерлок не стал долго мучать беднягу и, засмеявшись, потрепал его панибратски по плечу.

— А если серьёзно, друг мой, то нашему парламенту сотни лет, борьба уже давно идёт там, а не на баррикадах. Огромный лояльный средний класс, профсоюзы. Ну и главное: мы пережили свою смуту, гражданскую войну ещё в XVII веке, и промышленный переворот случился раньше, создав механизмы поглощения протеста. Вы просто чуточку отстаёте. Переживёте этот период и будете развиваться. Я верю в вашу страну. Главное — не уничтожьте её...

— Да я уж... — Славин растерялся, запнулся, раскраснелся и всё-таки договорил, хотя можно было ничего и не отвечать: — Я уж постараюсь. Мы. Да. Всё будет хорошо!

Сорокалетний, с сединою на висках, прошедший огонь и воду, руководитель не абы чего, а столичного охранного отделения, опять попался в ловушку шутивого британского плута. Холмс отвёл голову в сторону и улыбнулся, намеренно скрывая ухмылку от взора собеседника. Повёл себя как истинный джентльмен, иначе Славин мог бы неверно истолковать реакцию и обидеться. А это была добрая улыбка.

За сим разговором уставшие от непрерывной качки путники скоротали не так много времени, как хотелось бы. Почти всю оставшуюся часть пути преодолели молча, любуясь пейзажами за окном и иногда обсуждая попутно какие-нибудь поверхностные вопросы вроде дорог, автомобилей и погоды.

Карета миновала Египетские ворота и въехала в Александровский парк. Дорога свернула в аллеи; здесь уже не город, а осенний пейзажный массив: старые дубы и клёны, сквозь которые

пробивается тусклый свет. Колёса мягко шуршат по гравии, в воздухе пахнет прелой листвой и сырой землёй. Слева мелькают романтические руины, за ними — зеркальная гладь Крестового канала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.